Энергия абсолютного ужаса является единственной альтернативой могуществу тотального сна

ГЕЙДАР ДЖЕМАЛЬ

РЕВОЛЮЦИЯ ПРОРОКОВ

Гейдар Джемаль

Революция пророков

«Selfpub.ru»
2003

Джемаль Г. Д.

Революция пророков / Г. Д. Джемаль — «Selfpub.ru», 2003

Собрание философских работ и лекций Гейдара Джемаля разрушает множество популярных стереотипов. Современное мусульманское мировоззрение предстает перед нами во все своей парадоксальности. Религиозная традиция пророков противопоставляется клерикальной практике жрецов, слово "традиция" обретает взаимоисключающие значения, а единобожие указывает на уникальный выход из посмтодернистского тупика. В книге представлены работы: "Ориентация - Север", курс лекций "Традиция и реальность", статьи и интервью.

© Джемаль Г. Д., 2003
© Selfpub.ru, 2003

Содержание

«ВОЛЯ К НЕБЫВШЕМУ» (Интервью с Гейдаром Джемалем) 5
ТРАДИЦИОНАЛИЗМ И ПРОФАНИЗМ 8
1. Генон – апологет открытой иерократии 9
2. Криптоиерократия – современная форма господства жрецов 10
3. Жречество как организатор исторического процесса 12
4. Проект иерократии: «точка зрения вечности» на земле 14
5. Позитивная мораль как база криптоиерократии 16
ТРАДИЦИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ 18
ЛЕКЦИЯ № 1. Традиция как отношение к ноумену 19
1. Происхождение понятия 19
2. Время и вневременное 21
3. Знание о том, «что есть» 22
4. Смерть как отправная точка 24
ЛЕКЦИЯ № 2. Глобальная перцепция и последняя реальность 26
1. Проблема «наивного сознания» 26
2. Человек как орудие восприятия 27
3. «Небо без звезд» 28
4. Традиция и интеллектуальная культура 30
5. Жрец, философ, пророк 34
ЛЕКЦИЯ № 3. Профаны и жрецы 37
1. Итоги предыдущих размышлений: «великая триада» перцепции 37
2. «Апейрон» греков как чувственный аналог «дао» 38
3. Нам не уйти от парадокса: сама бесконечность противоречива 38
4. Профанизм как указание на «еще более глубокий» эзотеризм 39
5. Онтология рая. Самопознание как начало греха 40
6. Священные писания против посвятительной традиции: двойственность в понимании высшей миссии Человека 41
Конец ознакомительного фрагмента. 43

«ВОЛЯ К НЕБЫВШЕМУ» (Интервью с Гейдаром Джемалем)

Алексей Цветков: Скажите, Гейдар, думая о точках максимального проявления себя в биографии, какие именно события Вы вспоминаете?

Гейдар Джемаль: Первым реальным событием, в котором я проявил себя как субъекта, способного осуществлять выбор, определяющий судьбу, стал мой отказ приносить присягу в Советской Армии, что повлекло за собой мой арест и угрозу трибунала с последующими несколькими годами тюремного срока. Однако, несмотря на шантаж командования, я отказался уступить и пошел до конца. В результате меня были вынуждены комиссовать, чтобы не создавать политического скандала в части.

Далее, оказавшись предоставленным самому себе, я должен был решать: я в обществе или я вне и против общества. Возможности интеграции были открыты. Кроме того, вокруг меня в момент этого выбора не было соответствующих друзей, среды: я тогда никого не знал и был абсолютно одинок. Однако я без всяких колебаний выбрал – вне и против общества. Только после этого выбора я встретил первых живых нон– конформистов, в частности, Юрия Мамлеева. Ну и, разумеется, переломным событием в моей жизни стало решение войти в исламское движение Таджикистана в 1980 году, которое повлекло за собой превращение виртуальной салонной оппозиции интеллектуала обществу в реальное противостояние Системе со всеми возможными последствиями.

А.Ц.: Меня всегда удивляло, для каких разных людей Гейдар Джемаль является паролем и знаком качества: московская контркультура 70-х, политическая сторона современного ислама, антиглобализм, эзотерика, «новые правые», «новые левые». Кого Вы сами признаете ответственными за свое мировоззрение, из личных знакомых? Была ли «среда», без которой Вы бы не состоялись?

Г.Д.: Главными факторами, воздействовавшими на мое мировоззрение, были немецкая классическая философия, с которой я столкнулся в возрасте 12 лет, мой дед был профессиональный философ с огромной философской библиотекой, а также франкоязычный традиционализм Рене Генона и его школы, с которой меня сначала познакомил Евгений Головин, когда мне было двадцать лет. Благодаря знанию французского языка и номенклатурным возможностям тогдашней жены Головина, я освоил запасы спецхрана ИНИОН и ВБГИЛ, частично «Ленинки». На начальном этапе Головин выступил методологом очень высокого класса, открывающим дорогу к аутентичному пониманию концептов в этом интеллектуальном поле. Однако в силу некоторого изначального личного импульса я ставил задачу радикального преодоления как философского платонизма-гегельянства, так и метафизического генонизма и открытия для себя совершенно новой духовной перспективы, которая могла бы стать опорной точкой фундаментальной альтернативы всем избитым путям.

А.Ц.: А кого могли бы признать своими последователями, учениками? Есть ли «среда», которая не состоялась бы без Вас?

Г.Д.: Думаю, что ответ распадается на два момента. Во-первых, мое присутствие является определенной коррекцией, которая оказывает некое фоновое влияние на очень широкий круг людей, влияние не методологическое, а скорее, создающее обертон в их восприятии привычных вещей. В этом плане они, реципиенты моего влияния, не знают и не понимают конкретного послания, которое предназначено не для конкретной сегодняшней среды или учеников, а для того интеллектуального запроса, который возникнет завтра в ситуации финального кризиса. Я считаю себя человеком, который впервые и последовательно

разъединил духовную волю действующего на некоем пути пассионарного субъекта с надеждой на субъективную востребованность результата. Иными словами, в моем мировоззрении человек поистине становится инструментом Провидения, не будучи при этом ни «соработником», ни «сотоварищем», ни получателем благ в итоге состоявшегося свершения… Смысл рождается не из преодоления, а из глубокой реинтерпретации абсурда. Ни одно преодоление абсурда не является окончательным. Тертуллиан начинал идти верным путем, второй век, митраисты еще не подмяли под себя христианство!

А.Ц.: В любом разговоре о Гейдаре Джемале всегда присутствует пронзительное ощущение последовательного радикализма, необратимой антисистемности и мужского презрения к компромиссу. Кто был для Вас идеалом мужчины, из реальных личностей или из литературных героев?

Г.Д.: Что касается идеала, то весь пафос моей личности заключается в воле к небывшему! Я с 12 лет проектировал для себя некое долженствование, те ментальные черты, которые должны характеризовать истинного сверхчеловека. Во всяком случае, призыв Ницше быть верным земле я заменил на внутренний призыв быть верным «новой земле» и «новому небу». Тем не менее могу указать на личности пророка Мухаммеда (мир ему) и его внука имама Хусейна (мир ему), которые впечатляют. Первый как тот, который сумел сделать невозможное за счет абсолютной гармоничности всех своих качеств, при наличии миссии Господней. Но ведь у Ноя тоже была миссия, а он вынужден был построить Ковчег и уплыть!. Второй же – имам Хусейн – есть совершенная парадигма жертвенной пассионарности, которая универсально невозможное считает своим личным и семейным делом.

А.Ц.: Как часто Вы вспоминаете свое участие в таджикских событиях 90-х? В чем они изменили Вас?

Г.Д.: Вспоминаю часто. Лишили наивности.

А.Ц.: Я знаю, что у Вас было и есть много товарищей в Иране. Участвуют ли они в вашей работе по расшифровке ислама как общемирового языка сопротивления глобализму?

Г.Д.: В Куме у меня есть много учеников, издающих русскоязычный теологический журнал, в котором восемьдесят процентов текстов – мои. В большинстве своем это студенты медрессе, выходцы из СНГ – в основном России, Азербайджана, Казахстана. В последнее время мои тексты переводятся на фарси и получают резонанс в академической среде Кума. Во всяком случае, определенные влиятельные персоны клерикальной корпорации Ирана учитывают меня как фактор.

А.Ц.: А единомышленники из европейских интеллектуалов? Ведь Исламский Комитет поддерживали и Роже Гароди и Клаудио Мутти …

Г.Д.: К этому числу (Гароди, Мутти) следует добавить Исламский институт в Лондоне с Якубом Заки и Гиясуддином Сиддыки, причем первый – природный шотландец с большими связями среди радикально– правой интеллектуальной элиты Европы… Кроме того, в Париже моим сторонником и промоутером является недавний секретарь ЮНЕСКО по исламской цивилизации Рашид Бенисса, друг Гароди и один из ведущих профессоров Сорбонны. В ЮАР в моем активе шейх Ахмад Касем, в прошлом соратник Манделы, руководитель Конвенции Исламского Единства – вооруженной армии исламской диаспоры против апартеида. Благодаря ему я был приглашен в течение месяца читать лекции в Кейптаунском университете о своем видении исламской политической теологии.

А.Ц.: Какие еще условия, кроме универсального языка всех несогласных, необходимы для превращения множества радикальных ситуаций в одну революционную? И какова историческая вероятность этих условий?

Г.Д.: Универсальный язык предполагает хозяина его смыслов, то есть субъекта его использования. У марксистского дискурса таким субъектом был Первый Интернационал. Стало быть, помимо нового языка политической теологии необходимо создать соответству-

ющий орган, «боди», который на этом языке говорит с Провидением, историей, человечеством, царями и так далее. Без языка такого субъекта нет. Сегодня ни одна самая крайняя и крутая сила не тянет на этот статус, поскольку все вращаются в сфере «нерасклеенных» факторов: все стараются для имманентного человечества как получателя в итоге усилий. Кстати, проекция получения на будущие поколения и даже в «жизнь вечную» не меняет дела.

А.Ц.: Немало людей обо всем узнают из телевизора. Значит, они знают Вас как ведущего программы «Ныне», как советника, который на президентских выборах везде сопровождал генерала Лебедя, и как частого эксперта новостей, касающихся исламских стран. Чего Вам не хватает в этом образе?

Г.Д.: Телеобразы Гейдара Джемаля в сознании аудитории есть лишь средства легитимации главного и непроизносимого послания, которое примерно можно было бы сформулировать как «личная цель Бога в качестве повестки мировой революции». Поэтому, как средств легитимации мне достаточно любых имеющихся в моем распоряжении образов, поскольку то, что я имею в виду, не может быть заявлено как один из этих образов.

А.Ц.: Большая пресса, организующая массовое сознание, так и не нашла подходящей ячейки для Вашего имени. С одной стороны, после одиннадцатого сентября Вы действовали на TV и в Интернете как легитимный выразитель мнения миллиардной уммы мусульман. Во время последней войны в Ираке Ваш сайт irak.ru был стартовой страницей в большинстве компьютеров моих знакомых журналистов. С другой – газеты продолжают наклеивать Вам ироничные ярлыки, вроде «богемного ваххабита» или «муэдзина под красным флагом», изображая Вас как профессионального трикстера, возмутителя спокойствия любой интеллектуальной семьи. Как бы Вы на их месте определили свою роль в актуальности?

Г.Д.: Моя задача – произвести революцию в понимании того, что такое перцепция, гнозис, дискурсивные технологии. Проще говоря, создать методологию мысли как действенного инструмента свободы, сначала внутренней, затем экзистенциальной, затем политической. Свобода для меня никогда не была механической возможностью выбора, но лишь абсолютным противостоянием внутреннего внешнему.

А.Ц.: Закончите, пожалуйста, фразу: Я живу, чтобы …»

Г.Д.: Я живу, чтобы быть сподвижником ожидаемого Махди (да ускорит Аллах Его приход) и служить всеми своими делами обеспечению Его прихода и лидерства избранных верных в предстоящей финальной войне.

ТРАДИЦИОНАЛИЗМ И ПРОФАНИЗМ

Расшифровка фрагмента философского семинара, состоявшегося на даче Гейдара Джахидовича Джемаля летом 1998 года. Участники: Гейдар Джемаль (председатель "Исламского комитета"), Андрей Панибратцев (вице-президент фонда "Геостратегических исследований"), Алексей Толстов (профессор Института философии РАН), Артур Медведев (гл. редактор журнала "Волшебная гора" и "Философской газеты"), Алексей Болдырев (доцент философского ф-та МГУ)

1. Генон – апологет открытой иерократии

Рене Генон рассматривает общество в некоей дихотомии. Одним полюсом для него является общество традиционное, которое существовало всегда, во все времена, в разных формах, в разных проявлениях. Средневековая Европа, Дальний Восток, индуистское общество и т. д. – это общество «нормальное», возглавляемое сакральным авторитетом, который легитимизирует все иерархические слои. На другом полюсе – общество профаническое, современное общество, своего рода негатив от первого. (Что в традиционном обществе «белое», в профаническом – «черное», и наоборот.) Такое общество, согласно Генону, сложилось в течение нескольких последних столетий. Генон даже определяет дату образования такого антитрадиционного общества – конец Столетней войны. Этапы его существования – ранняя Реформация, Возрождение, которое для него является прорывом псевдоантичного духа (античность – алиби для антитрадиционализма), якобинство, Французская революция, либерализм. И, наконец, XX век – последняя, деструктивная, сатанинская фаза профанизма.

С точки зрения Генона, профанизм – торжество сугубо человеческого измерения, которое является перевернутым аналогом по отношению к подлинной полноте человеческого потенциала.

Концепция Рене Генона настолько убедительна, логична и наглядна, что трудно в принципе что-то ей возразить. Она описывает довольно очевидные вещи, которые любому из нас бросаются в глаза. Но если углубиться в нее, то возникает целый ряд вопросов.

Если традиция как супрачеловеческая реальность, действующая наподобие силовой «электрической» решетки, структурирующей «магнитные» поля человеческой субстанции, настолько глобальна и универсальна, почему она вырождается в собственную противоположность? Как получается, что глобальная, универсальная система традиционализма – фундаментальная норма – упускает контроль над обществом, какой-то его частью (скажем, Европой, которая в результате становится наиболее сильной, наиболее «переразвитой», наиболее агрессивной)? А потом происходит то, что Генон в одной из своих книг называет «вторжение». Происходит вторжение в традиционные цивилизации, которые, образно говоря, еще выживают на обочине этого ядовитого центра профанизма. И в конце концов весь мир в какой-то момент становится профанным, что можно рассматривать как завершение всего цикла и последнее звено Кали-Юги.

2. Криптоиерократия – современная форма господства жрецов

Генон упоминает в одной из своих работ, что инволюция является необходимым законом манифестации, то есть от некоего «плюса», от некоей полноты потенции, в ходе манифестации универсальный принцип исчерпывает возможность своего проявления и переходит как бы к своему «минусу». В другом месте он оговаривается, что торжество открытого профанизма не является законом, необязательно циклы истории предыдущих человечеств заканчивались вырождением, подобным нашему. Генон упоминает также, что революция против традиционалистского духа является как бы «гвоздем программы» финальной деградации человеческой истории. А почему она вообще возникает? С глобальной точки зрения бунт находится внутри системы и универсальной Традиции. Тогда, может быть, и профанизм следует рассматривать как некую версию, модальность, модификацию традиционалистского общества? В процессе своих собственных изысканий, анализа геноновской доктрины традиционализма и сравнивания ее с тем, что меня реально окружает, я пришел к следующему выводу: никакого профанизма нет. Профанизм есть некая маска, определенная ментальная программа, предназначенная для манипуляции сознанием широких масс населения. Сакральный авторитет никуда не исчез и не мог исчезнуть. Геноновская схема состоит в том, что Воины восстают против Жрецов, устанавливая порядок, при котором Жрецы будто бы вынуждены зависеть от светской власти. Потом Торгаши, буржуазия, восстают против Воинов и устанавливают буржуазный порядок. И, наконец, крайняя стадия. Шудры, люмпены восстают против Торгашей. Это последняя фаза. Это коммунизм, социализм, то есть диктатура пролетариата, о которой сам Генон говорит как о финальной стадии инволюции. За красивой, убедительной дидактической схемой стоит, однако, совершенно другая реальность, Иерократия, которая существовала в древнейшие времена, никуда не исчезла, а существует в гораздо более жесткой, хотя и скрытой форме. Прежде она существовала как Государство-храм: система, в которой общество, как концентрические круги распространяется от храма, от пирамиды, от зиккурата вширь. Это открытая, очевидная, прямая теократия, точнее, иерократия – власть жрецов. Сегодня мы имеем схему криптоиерократии: ставший неочевидным сакральный авторитет ставит системы «заглушек», завес и внешних, отводящих внимание комбинаций между своей подлинной властью, подлинной силой и тем, что воспринимает так называемое «массовое сознание». В частности, парламенты, либеральные институты, открытое гражданское общество, законы рынка и прочее – все это не более чем система таких «заглушек», выстроенных ширм, за которыми стоит та же самая реальность метафизического социума, что и тысячи лет назад. Более того, можно утверждать, что с определенного времени в Европе иерократия сама начала готовить войны и революции для того, чтобы, пойдя на внешние перемены, реально сохранить свою власть.

Каста иерократии, кстати говоря, это не единый организм. Есть определенная консервативная часть, которая привязана к внешним институциональным аспектам. Ее обычно «сдают», потому что без «сдачи», без манипуляции ничего не получается. Переходя от открытой иерократии к криптоиерократии, какой-то частью приходится жертвовать. Обычно «сдают» консервативную, помпезную, лицевую часть.

Всегда существуют определенные закрытые эшелоны авторитета. Это эзотерические ордена по отношению к внешней церкви. Есть внутренние круги и в недрах самих орденов. Там такое же деление – консервативная, видимая часть, с одной стороны, и гибкая, скрытая часть, которая ориентирована на то, что «чем больше все меняется, тем больше все остается по-прежнему».

Вспомним те процессы, которые происходили в России в XVIII-XIX веках. Попы-расстриги, семинаристы, оставившие, не закончив курса, семинарии, шли в революцию. Некоторым внутренним образом они все были связаны с определенными религиозными структурами. Из-за недостатка материалов мы не можем сказать точно, насколько глубоко была «повязана» русская фронда и оппозиция с русским религиозным сектантством. Но мы знаем достаточно, чтобы утверждать, что такая связь была: например, старообрядцы сыграли свою роль в революционной борьбе против династии. Насколько велика эта роль – трудно сказать, но то, что они в определенном смысле «подпитывали» революционное движение, – бесспорно. А секты типа хлыстов: были ли они связаны с русским революционным движением? Бесспорно, такая связь была.

3. Жречество как организатор исторического процесса

Есть лицевая, фасадная сторона и самой официальной церкви, не допускающая никаких вопросов; но есть внутренняя сторона. Какова роль определенных иерархов в подготовке кризиса Романовской монархии на последнем этапе? Она известна. Тот же Распутин без поддержки церкви вообще не мог проявиться и попасть в ближайшее окружение царя. Большевики немедленно «отплатили» церкви, восстановив чин Патриарха, отмененный Петром Первым. Так просачиваются отголоски некоей концептуальной реальности.

Я против того, чтобы идти от частного к целому, брать деталь и, подобно Кювье, восстанавливать целостную картину. Надо устанавливать парадигматическую истинность. Реальность имеет некую парадигму. Интуитивно понимаешь: вот оно, так и должно быть, а потом находишь детали, разрозненные кусочки, которые в эту схему укладываются. Никогда не удается набрать такое количество деталей, которое перешло бы в качество совпадения с парадигмой, так что подобные построения всегда уязвимы. Критически настроенные академики всегда скажут: «Ну, батенька, вот эта деталька так объясняется, зачем же сразу такие скачки логические? Нет этого ничего, все, как с виду кажется, так оно и есть».

Я убежден, что иерократия в широком смысле подготовила ряд крупных социальных смещений, перемен, революций, для того чтобы на конечном этапе, создать полностью контролируемое общество, называемое открытым, гражданским, рыночным, руководимое институтом демократического самоуправления, который в действительности является очевидной и даже не очень плотной ширмой. Что такое выборная система? Это система пифийского оракула, гадание, реализация принципа vox populi. Это апелляция к коллективному подсознанию. На чем основано обращение к общественному мнению? Как может сумма дураков давать умный результат? Собственно говоря, здесь и нет такой механической схемы, так как имплицитно подразумевается, что люди, вызванные к кабинкам для голосования, через свое коллективное бессознательное дают возможность проявиться судьбе, а не заявляют свои убогие личные мнения; когда они в толпе, они являются проявлением некоего судьбоносного движения. Разумеется, это «судьбоносное движение» определенным образом управляемо. Углубляясь в суть любого института, мы видим, что этот институт не является самодостаточным. Любому решению «помогают». И вопрос в том, где завязки, где корни этого решения? Кто является имиджмейкером? За консенсусом стоит некая мудрость, а мудрость принадлежит классу людей, которым по должности полагается быть мудрыми. Это и есть носители иерократического авторитета. Речь не идет о франкмасонах. Институт масонства, ставший предметом обсуждения, запугивания, мистифицирования в течение двух последних столетий – это, в лучшем случае, некая служебная структура. Это традиционная структура на одном конце, а на другом – максимально приближенная к профанизму система «Ротари». Проблема Истории в том, что ею никогда не руководят люди, у которых вопросы доминируют над ответами.

Проблема Истории в том, что человечеством руководят те, у кого ответы предшествуют вопросам. Такие люди составляют касту клерикалов. «Клерикалы» – достаточно гибкое понятие. В структурах официально утвержденных, этаблированных, церковных систем (я не имею в виду только христианство), есть проявленные, занимающие высокие посты люди, а рядом с ними – люди, по внешней иерархии выглядящие гораздо менее значительно. Серые кардиналы стоят не только за королями, но и за официальными главами клерикальных структур. Настоящий экуменизм начинается не с официальных вершин, а с некоего звена, слегка дистанцированного от всем видимого пика. Здесь мы снова возвращаемся к Генону, который говорит о единстве всех традиций: традициям нечего делить, на всех одна Истина. А

если продолжить на шаг это утверждение Генона, оказывается, что и профанизм является одной из возможных модификаций Традиции, потому что любой институт, любая манифестация профанического общества расшифровывается с точки зрения традиционной метафизики как некий символ, как некий иероглиф – даже рынок. Возьмем хайековское определение рынка. Хайек отказался от логической систематизации законов рынка, сказав, что это некая непознаваемая вещь с присущими моментами риска, случайностей и т.д., то есть некая агрессивная аморфность (модификация аристотелевского определения субстанции в социальной сфере). Таким образом, рынок, если следовать пониманию Хайека, оказывается проявлением аморфного «женского» полюса в социальном «космосе», с его законами обмена количеств. В принципе, это не что иное, как обмен количеств, которые все время растворяют, снимают форму и качество, снимают всякую фиксацию, переводя ее в чистое количество.

В конечном счете жесткое различение между традиционным обществом и профанизмом расплывается. О монументах, выстроенных профанами в XX веке, нам говорят: «Посмотрите, здесь куб, а здесь пирамида, здесь те или иные символы». Кто-то отвечает: «Это делали масоны, а у масонов в голове традиционный геометрический символизм». Если современная цивилизация построена на традиционных символах, то где же тогда профанизм? Профанизм остается где-то на передней полосе газет, в столбцах редакторов, которые выдвигают наиболее легкие, общепонятные объяснения. А как только мы подходим к памятнику, к небоскребу, к дому, к метро с его всем понятной, всем очевидной, даже вызывающей улыбку масонской интерпретацией – профанизм куда-то «убегает», мы в мире метафизических намеков и загадок, как во времена готических соборов.

4. Проект иерократии: «точка зрения вечности» на земле

Генона не устраивает та форма иерократии, которая на сегодняшний день восторжествовала. Тогда надо об этом прямо говорить: Я, Рене Генон, – сторонник открытой иерократии, а не криптоиерократии. Но это будет серьезная поправка к дихотомии «традиционализм – профанизм», потому что здесь начинается совершенно другая тема. Действительно, иерократия что-то пытается остановить, борется для того, чтобы сохранить свое господство. Значит, у нее есть враг, она уязвима, на какие-то уступки вынуждена идти.

Возникает вопрос: почему универсальная система глобального контроля, которая всегда нормативно правила человечеством, вынуждена прибегать к маневрам?

Прежде всего, проект, который иерократия имеет в виду – проект «вечного человека» – необычайно затратный.

Что такое иерократия? Это система трансцендентного фиска, это механизм взимания с человека того, что он может дать от себя, его соков, энергии.

Человек платит со своего «подноготного» последнего потенциала в те инстанции, которые, будучи сформированы из этого «бюджета», тратят в свою очередь на технологию исторического движения, на историю, на проект. Они моделируют движение в макроэтапах, в макроструктурах, формируя то, что они называют финальной сверхзадачей Цивилизации, без различения, римская это или китайская цивилизация.

Проектное движение, формирование метаисторического сюжета «стоит денег», точнее – неких затрат, в тонкой ли материи, в грубой ли материи. Тем более, что деньги – это, с традиционалистской точки зрения, видимое золото; существует также эквивалент невидимый, и они взаимопереводимы.

Известна идея пирамиды как наиболее устойчивой формы. Не куб, а пирамида оказывается более устойчивой, потому что она имеет базу тяжести. Она является фиксированной формой, в которой как бы «останавливается» время. Таково подобное пирамиде традиционное общество, в котором все «как надо», то есть вверху первосвященник, он легитимизирует все остальные структуры – от фараона и до последнего раба, эту пирамиду построившего. Другое дело – проект «ковчега», который плывет. На этот «ковчег» взято все необходимое, он плывет, появляется износ судна, происходит расход энергии. Если продолжить сравнение, в какой-то момент изначально существовавшее в виде пирамиды общество превращается в общество в виде ковчега. И если в пирамиде затратность на поддержание стабильности минимальная, то плавание уже весьма затратно. И чем дальше плывешь, тем больше нужно тратить, поэтому в конечном счете все человечество превращается не просто в данников, а в таких данников, которые должны отдавать по максимуму, то есть гораздо больше, чем отдавал раб во времена фараонов. С раба можно взять его мускульные усилия: он завернут в тряпочку, получает миску каши в день, чтобы не умер, и собственными руками, напрягаясь, перехватывает камень. Десять миллионов, сто миллионов рабов – с них мало что можно взять. Их коллективное усилие не продвинет нас по пути реализации таких серьезных вещей, как макроцивилизационный проект. Вот если превратить всех этих рабов в людей среднего класса, в буржуа, имеющих потребности и возможности, выкладываясь определенным образом, их удовлетворять, в тех, кто ездит на «тойотах», имеет коттеджи, отдает своих детей учиться в колледжи, и прочее, и прочее, чтобы таких было два-три миллиарда, – тогда взять можно немало. Эти люди отдают не только налоги.. Современное человечество может отдать очень много даже не физическими деньгами, а самим фактом своего существования. У раба нельзя купить его будущее, а у среднего класса – можно.

5. Позитивная мораль как база криптоиерократии

Чем характеризуется современная криптоиерократия в отличие от открытой иерократии вавилонского типа, иерократии фараонов? Тем, что сакральный авторитет в криптоиерократии получает ценностное объяснение, т.е. учение о ценностях жизни становится базой оправдания духовного авторитета. Священник XX века говорит о том, что церковь борется «за все хорошее», выступает гарантом позитивных вещей: ценностей семьи, мира, материального и духовного благополучия. В средние века любой поп упал бы в обморок, если бы ему предложили такие социальные теодицеи, в которых «добро» фигурирует как база, на которой утверждается авторитет церкви. Духовное утверждение не может базироваться на категории ценности. Подобные модели стали появляться после прихода протестантизма и потом вошли в современную профаническую эпоху; они не то чтобы профаничны в своей сути, но скорее связаны со спецификой криптоиерократии. Скрытая власть жрецов имеет совершенно иную логику самообеспечения, самопрезентации, по сравнению с открытой. Позитивная мораль – это атрибут криптоиерократии. Но морализм, построенный на учении о ценностях позитивного существования, на аксиологии – это оборотная сторона культа «золотого тельца». Можно сколько угодно говорить о так называемых «тонких» (духовных) ценностях, но никуда не уйдешь от того, что «грубые», материальные ценности являются тенью «тонких». Если вы попали в сферу господства позитивной морали – значит, вы оказались в религиозном царстве «золотого тельца».

Итак, от традиционного общества, понимаемого в широком плане, мы никуда не ушли. Мы по-прежнему находимся в луче вечных архетипов, которые просто замаскировались, перефразировали себя в новой презентации. «Профанизма» как такового нет.

Другой интересный вопрос – чего боятся иерократы, почему они идут на исторические трансформации, на организацию революции и т.п.? Иерократия в глобальном смысле – это тирания. Неважно, что она отражает на человеческом уровне фундаментальную онтологическую реальность: бытие – тоже тирания. Неважно, что жрецы корпоративно несут в себе некую констатацию того, что есть в виде созерцания простой истины: истина – тоже тирания. Человечество находится под бременем тирании по определению, прежде всего тирании рока. Древние осознавали это непосредственно: есть всепоглощающий рок, герой бросает ему вызов, а рок – это тирания, глобальное «То, Что Есть».. Если это так, то неизбежен и вызов тирании. Должен явиться герой, бросающий вызов року.

Более того, та энергия, с помощью которой иерократия пытается все обновить, революционная энергия, которую жрецы узурпируют, чтобы использовать в своих политтехнологиях, модифицируя жизнь так, чтобы она метафизически не менялась, откуда она? В недрах человечества дремлет титанический вызов. Титанический вызов в лице избранных героев направлен в глубочайшем смысле против рока как абсолютной негативной вечности. Но это ведь только герой может напрямую «беседовать» с роком как бы «с глазу на глаз», как на дуэли! А если речь идет о массовых движениях, о подспудном перегреве парового котла человечества? Кто же олицетворяет для бунтовщиков силы рока, саму онтологическую тиранию? Да те, кто ее осуществляет, – каста жрецов, иерократия. Ненависть к иерократии – это фундаментальная составляющая человеческого титанизма, то есть вечная готовность к нечленораздельному взрыву, бунту, отвержению системы. У этой антисистемности тоже есть два полюса. Один полюс – это сама ярость тех, кто внизу, в подземелье.. Другой полюс – это сверхвнятная миссия пророков.

Пророки приходят для того, чтобы низвергнуть тиранию иерократии. Они приходят из противоположного конца реальности к обездоленному. Когда две этих составляющих,

«плюс» и «минус» гнева – гнев божий и гнев угнетенных – встречаются, – вспыхивает взрыв. Это религиозная революция, которая есть единственно возможная, подлинная революция. И якобинские революции, устраиваемые попами, лишь пародируют архетипические подлинные религиозные революции. Подлинная революция – это революция Моисея, это революция Христа, это революция Мухаммеда. До них – это революция Авраама. А якобинская революция есть некая сюжетная имитация, но политтехнологически грамотная. Если обездоленные на поверхности земли и титаны, ворочающиеся в ее недрах, испытывающие глубокую нечленораздельную ненависть к олимпийцам, являются естественными союзниками пророков, то торгаши, третье сословие – естественные союзники жрецов. Буржуазия и церковь находятся в неразделимом союзе.

ТРАДИЦИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ

Курс лекций, прочитанный в МГУ в 1998 году.

ЛЕКЦИЯ № 1. Традиция как отношение к ноумену

1. Происхождение понятия

Миссия романтизма. – Традиция как знамя традиционалистов. – Традиционалисты против профанов. – Французский интеллектуализм и англосаксонский «ползучий эмпиризм»

Во имя Бога милостивого и милосердного.

Мы сегодня начинаем курс, который посвящен теме, обозначенной на первый взгляд общими невыразительными словами – «Традиция и реальность». Слова эти настолько общи, настолько философски стерты, что сразу возникает подозрение, не идет ли речь о чем-нибудь привычно скучном, академическом, пыльном и, видимо, принципиально никому не интересном и ненужном. Парадокс, как обычно, заключается в том, что каждое из этих слов является абсолютным императивом личного интереса.

Под словом «традиция» эмблематически заключена парадигма истины, а под словом «реальность» – то, что всех нас интересует в последней инстанции, потому что «реальность» это то, что подлинно есть.

Обозначив это, мы немного забежали вперед, потому что в таких академических подходах принято, прежде всего, начинать разговор о словах. Недавно мне попалась небольшая английская брошюра «Что такое мусульманское искусство». На первой странице было написано: «Мусульманское искусство – давайте разберемся, что такое мусульманское и что такое искусство». И дальше идут цитаты из Вебстера. Нам, конечно, следует начать разговор со слов, что такое «традиция» и что такое «реальность». Я думаю, что мы этого разговора не избежим.

Прежде чем говорить о словах, хотелось бы сказать, что для нас существует несколько планов и несколько измерений того, почему разговор о традиции важен. Это гносеологический аспект нашего разговора, т.е. что такое традиция и реальность с точки зрения познания. Это социальный аспект разговора, – т.е. что такое традиция в применении к обществу. И это политический аспект, т.е. аспект власти, наиболее живой и наиболее реальный, потому что тайна власти своими корнями упирается в последний смысл существования, ту последнюю энергетику реальности, которая дает возможность творить небывалое. В этом заключается секрет подлинной власти, как ее понимали Юлий Цезарь, Александр Македонский, Наполеон, а не так, как ее понимают современные представители власти, отождествляя ее с простым контролем. Естественно, нас будут интересовать все стороны власти – метафизическая, социальная, политическая.

Разговор проще начать с социально-исторического аспекта темы традиции, потому что сегодня через этот социальный аспект данная тема легко раскрывается и в политическом, и в метафизическом планах.

Мы живем в обществе, я имею в виду наше российское общество, за спиной которого стоят века, прежде всего, европейской истории. Мы живем на острие некоего копья времени, древко которого уходит в проблемы, рожденные противостоянием между христианством и антихристианством, прежде всего, в самой Европе. Россия, которую мы знаем, Россия XVIII-XX веков, Россия Петра, Екатерины, Николаев, Александров, наконец, Россия Советская – это продолжение, зеркало и резонатор тех европейских проблем, о которых каждый из нас с детства знает из книг, из учебников.

Европейское общество перестало быть «традиционным» в понимании традиционалистов в 1350 году, с началом Столетней войны. За этим последовала Реформация, потом Контрреформация, потом якобинская Революция, начало Нового времени. Сложилось другое общество – общество, которое противостояло иерархической организации, ориентированной на внечеловеческие ценности, общество, которое стало ориентироваться на ценности сугубо имманентные, социальные, человеческие. В XIX веке это было общество, в основе которого лежали англосаксонские протестантские ценности, даже когда речь идет о Франции. (Надо сказать, что Франция – это промежуточный мир между католицизмом и холодным англосаксонским капиталистическим протестантизмом. Она была ареной столкновения, конфронтации этих двух тенденций.) В XIX веке уже, казалось бы, полностью победила идея модернизма, прогресса, взятия собственной истории в собственные руки и т.д. И внезапно в самом конце XIX века, в XX веке пошла неоромантическая реакция, реакция на мир капитализма, на мир светского четко структурированного социума, в основе которого лежит представление о знании, как об экспериментально получаемом своде эрудиционных фактов.

Новая вспышка романтизма была подготовлена усилиями самых разных людей, таких, как «проклятые поэты» Франции Бодлер, Рембо, таких, как экзистенциалисты – можно назвать в качестве экзистенциалиста всем известного Фридриха Ницше. Здесь нужно упомянуть Ф.М. Достоевского, который очень много сделал для подготовки мощнейшей реакции на сложившийся мир протестантского общества (протестантского не в буквальном смысле, а в смысле его холодного рационализма, социальности, «открытости», снятия третьего или четвертого измерения, т.е. общества плоского, пребывающего «все здесь»). Неоромантическая реакция поставила вопрос о том, что же такое социум вообще – началась переоценка ценностей по поводу средних веков, древности и т.д. На рубеже этого слома, этой неоромантической реакции возникает интеллектуальный феномен – традиционалисты, которые говорят: «Да нет, сегодняшнее общество – это общество убогих профанов, общество, которое существует в одну сотую подлинного социального объема; человек предназначен для существования не в такой социальной структуре, как сегодня, а для существования в системе сложного духовного механизма, который осуществляет некую космическую, космологическую и супракосмическую функцию».

Первым, кто сформулировал этот подход с предельной вызывающей ясностью и кто, будучи очень известен в различных интеллектуальных кругах, до сих пор остается на уровне европейского истеблишмента персоной нон грата (в частности, в высшей католической иерархии), был Рене Генон. Мы потом вернемся к этой знаковой фигуре, фигуре в достаточной степени исполинской и крайне неоднозначной. Сейчас же скажем только, что Генон родился католиком в буржуазной семье в самом сердце Франции на берегах Луары, он в двадцатипятилетнем возрасте принял ислам в шадилитском ордене, вошел в суфийский тарикат. Всю свою жизнь он посвятил борьбе с современным ему обществом, «восстанию против современного мира». [Одноименная книга Эволы; «штурм и натиск» неоромантиков в Центральной Европе в 20-е годы.]Но Генон был вспышкой, подготовленной определенными духовными процессами, определенной неоднозначностью интеллектуальной ситуации уже в XVIII и XIX веках, потому что слабые ростки оппозиции модернизму пробивались практически в любое время, в любое десятилетие этих веков рационализма, революции, протестантизма, науки и т.д. В этом ряду следует отметить, что есть два направления такой оппозиции современности: есть линия англосаксонская, которая связана с известными оккультистами, теософами, спиритами, а есть линия французская, более интеллектуальная, более рафинированная, которую в XIX веке отмечают такие имена, как Фабр д'Оливе, Сент-Ив д'Альвейдер, который был непосредственно учителем Рене Генона. Есть имена гораздо меньшего калибра, приближающиеся к англосаксонской Поверхности, – это ставший известным в последние

годы благодаря переводам популярный в начале века в России автор Папюс. Папюс в ранней юности Генона на первых порах был его учителем.

Англосаксонский подход характеризуется, прежде всего, тенденцией увязать концепцию традиционализма, т.е. внечеловеческого, сверхчеловеческого знания с экспериментальной наукой, с рационализмом. С другой стороны, он стремится как бы банализировать проблему, свести ее в человеческое измерение, дать ей чисто феноменологический объем, феноменологическое обоснование и превратить всю эту тематику в некий оккультный Диснейленд. А французский подход основан скорее на концепции преемственности внутреннего единства интеллектуализма и видения единой внечеловеческой системы, в которой человек является замыкающим, наиболее проявленным звеном.

2. Время и вневременное

«Обычай против традиций». – Смысл передачи непередаваемого. – Собака – зритель в кинозале. – Общество как инструмент вечности

Сложилась ситуация, при которой, с одной стороны, существует реальное общество, управляемое демократическими институтами, парламентами, политиками, прессой, а с другой стороны, появляются люди, которые обоснованно доказательно говорят, что это общество есть некое отклонение от нормы. Они говорят, что это западное отклонение от нормы существует как уродливый нарост на теле человечества, в котором большинство незападных социумов продолжает сохранять некую приверженность внечеловеческой традиционалистской константе. Однако идет наступление западного деформированного профанического общества, агрессивное, военное, пропагандистское, подрывное наступление западного общества на устои традиционных обществ, еще сохраняющихся за пределами западного мира. В контексте такой социально– геополитической поляризации протекает дискуссия традиционалистов с носителями доминирующего мировоззрения.

От имени чего выступают традиционалисты? Что они противопоставляют человеческому обществу, представляющему собой реальность в себе? Ведь человеческое общество –это некая огромная самодовлеющая машина, это мириады и мириады людей, не только живых, но и тех, которые жили, дела которых вплетены в сегодняшний день, последствия дел которых работают как некая живая данность, наследие, то, что оставлено предыдущими поколениями. И вот этой машине, этой огромной самодовлеющей реальности бросается вызов. Ей говорят, что эта реальность на самом деле является подножьем чего-то гораздо более великого, для чего она служит как бы инструментом.

Как же сами традиционалисты определяют Традицию, то, от имени чего они выступают? Традиция в понимании традиционалистов – это не то, что обычно на газетном публицистическом уровне или уровне научно-популярных брошюр понимается под словом «традиции» с маленькой буквы. Традиции с маленькой буквы – это некий фольклор, передача определенных сведений, наработок, жестов, элементов культуры, которые в принципе есть не что иное как коллективная привычка, «обычай». У Генона есть на этот счет статья, которая так и называется – «Обычай против Традиции». Конечно, есть общее семантическое поле или общее функциональное совпадение этих традиций с маленькой буквы и Традиции с большой буквы. Оно заключается в том, что Традиция тоже имеет свои институты, структуры и механизмы воспроизведения, действующие во времени. И в этом пересечении терминов обозначается то, что многие фольклорные традиции на самом деле являются осколками, отголосками, забытыми, уже искаженными, не помнящими своей сути отпадениями

от Традиции. Они передаются людьми, не понимающими значения того, что они передают, такими Аринами Родионовнами, убаюкивающими подопечных своими рассказами, но подлинного, священного, тайного смысла того, что они показывают или рассказывают, не понимающими. Это крайняя степень отпадения от Традиции, дегенерации той большой серьезной Традиции, смысл которой заключается не в том, что нечто передается, но смысл которой, если говорить с точки зрения традиционалистов, в том, что нечто пребывает вне времени и имеет прямое отношение к тому, что пребывает во времени. Иными словами, Традиция – это некое явление вневременного во временном, внечеловеческого в человеческом.

Представим себе белый экран в кинозале, на котором некий кинопроектор проецирует движущуюся картину. У этой картины есть непосредственное физическое воплощение, светотень, движущаяся картинка, а есть еще тот смысл, который есть в этой картинке. Если собака сидит в кинозале, то она, конечно, видит цвета, формы, прыгающие световые пятна на экране, но она не понимает, что видит, скажем, Бунюэля, не понимает того, что там есть некий сюжет, какие-то объемы смыслов и интуиции, которые стоят даже за простым узнаванием сюжета. Т.е.. тут возникает целая иерархия прозревания в исконный смысл картины. Человеческая цивилизация, с точки зрения традиционалистов, это такая цветовая картинка, прыгающая на белом экране, которая, допустим, профанами воспринимается с той же степенью адекватности, как если бы собака сидела в кинозале. А смысл этого, сюжет, интерпретация, понимание, сложные переживания, связанные с этим пониманием – это то, что открывается только избранным и восходит к проектору, то есть одновременно и автору, и источнику света, смыслу того, что мы видим как социальный факт.

Традиция – это некая подлинная данность, пребывающая вне времени, вне поколений, вне истории, но перманентно разными техническими способами открывающая себя во времени и в истории и создающая, творящая под себя институты, которые это воспроизведение во времени поддерживают, передают, готовят людей, способных по своим природным данным понимать эту реальность, весь этот громадный комплекс. В конечном счете все общество должно было быть в недавнем прошлом, а в некоторых местах мира еще является обществом традиционалистским, традиционным, в котором все является неким институтом, обслуживающим проявление этого вневременного факта.

3. Знание о том, «что есть»

Вещественность и подлинность. – Способы отношения к «невоспринимаемому». – Последняя правда. – Спор об одном и том же

Мы обозначили круг, связанный с пониманием слова «традиция». А что же такое «реальность»? Сразу поставим вопрос: какое отношение реальность имеет к вневременному блоку, который открывает себя через целую систему социальных механизмов, структур и передач? Слово «реальность» происходит от латинского res («вещь»), это некая вещественность. Как говорили марксистские преподаватели: Вы постучите себя по столу, есть или нет?! Собственно говоря, в «Материализме и эмпириокритицизме» Владимир Ильич так и понимал реальность – как постукивание по столу. С другой стороны, мы привыкли в философской практике апеллировать к реальности как к чему-то более глубокому, сокровенному и масштабному, чем действительность. Насколько я помню, в одной из своих первых работ Владимир Соловьев даже доказывал, что в английском и французском языках нет адекватных слов, разграничивающих реальность и действительность, а есть такие слова только в русском и немецком языках (Realitat и Wirklichkiet), что, конечно, неверно. Такие

слова, разграничивающие понятия реального и действительного, есть и во французском языке (realite и actualite), и, соответственно, в английском (reality и actuality). Действительность – это то, что мы привыкли воспринимать как то самое «постукивание». Это гудки автомобилей за окном, повестки из милиции, звонки по телефону, включенный телевизор, падающие самолеты. А реальность, несмотря на свое происхождение от латинского слова «вещь», каким-то образом переживается нами как глубокое, подлинное, фундаментальное, последнее. Видимо, это так потому, что человек склонен уподоблять твердость и неподатливость окружающего корпорального мира тому подлинному, что на самом деле скрывается за этой вещественностью. Реальность – это последняя подлинность, это последняя аутентичность, это то, что Кант называл «вещь в себе», это ноумен. Реальность не дана нам непосредственно в наших органах чувств. Потому что то, что нам дано в органах чувств, это то, что на нас действует, то, с чем мы соприкасаемся, та стена, в которую мы бьемся лбом. Это действительность. А реальность, подлинная реальность – это то, над чем ломали интеллектуальные копья многие мыслители. И все они приходили к одному – реальность умопостижима только в виде концепта, ее нельзя пережить, ощутить, о ней можно думать, говорить. Иначе она просто ускользает. Мы можем принять за факт, что за гранью видимого, которое на нас давит, есть то невидимое, которое тем или иным образом находится с этим видимым в связи. Тогда получается, что есть прямая связь между Традицией (как чем-то невидимым и глобальным, что проявляет себя в формах видимого, т.е. в социуме) и реальностью (тоже ноумен, тоже невидимый).

Может быть, это одно и то же? Может быть, ноумен и источник Традиции это и есть одно и то же? Это классический путь решения вопроса. Т.е. действительно есть последняя правда, она внечеловеческая, она не воспринимается органами чувств, она открывает себя косвенным образом через некие внешние знаки, и, одновременно, она открывает себя через проявления общества, через предания, через некие символы, в которых запечатлевается отношение человека к этой реальности. Тут мы подошли к наиболее значимому вопросу. Традиция – это различные способы отношения человека к ноумену, к тому непостижимому, данному вне чувств, которое является смыслом и мотивом всего. Обычный человек, который занят потоком обыденной жизни, может знать (ему сказали), что есть некая бездонная последняя правда, которую ты не воспринимаешь. Допустим, что он человек гибкий – он принял, что есть такая правда. Но ему до этой правды нет никакого дела. От рождения до смерти он занят покупкой хлеба, воспитанием детей, хождением на работу. Внезапно наступает конец, он падает в яму, над ним быстро произносят несколько слов, относящихся к фольклору – и конец.. Он имел отношение к реальности в том смысле, что реальность не имела отношения к нему. Это очень тонкое отношение, это отношение обычно называется профанизмом, т.е. пребыванием вне Традиции. Традиция же – активное отношение человека к этой самой скрытой истине, скрытой подлинности.

Но тут оказывается, что это отношение к ноуменальному может быть самым разным. Мы исходим из монистического видения некой последней правды. Нас интересует краеугольный камень, который вложен в вершину купола Традиции, на котором этот купол и держится. По определению, мы хотим единственно последнего монизма. Но отношений к этому, ракурсов взгляда на этот последний камень оказывается много. Как в приведенном выше образе с собакой в кинозале, в зале сидит собака, но сидят, допустим, в первом ряду простые ребята, которые зашли с семечками, а есть там серьезные люди, не чуждые интересам киноискусства, слышавшие про этого режиссера, которые хотят понять, что же он им скажет, а есть там уже и кинокритик, где-то в заднем ряду сидит и мысленно прикидывает рецензию, которую он напишет и т.д., и т.д. То есть возникает целый спектр реакций на картину. Традиция – это широкое поле возможностей активного вступления во взаимоотношение с истиной и целый спектр соответствующих реакций. Показанный фильм может быть предметом

жесточайших конфликтов и споров, интерпретаций. Один и тот же фильм может привести людей к тому, что они станут непримиримыми врагами. Они могут даже убить друг друга, несмотря на то, что спор идет об одном и том же фильме. Таким образом, оказывается, что Традиция – это прямое взаимодействие последней скрытой истины с человеком, как неким плещущим морем, некой жидкой субстанциональной потенцией реагировать по-разному.

4. Смерть как отправная точка

Слово – «двуногое без перьев». – Ужасная сила отрицания. – «Ноумен» как всепожирающий огонь внутри вещей. – Каста созерцателей и союз посланников. – Кто мы сами в «кинозале жизни»?

Человек есть субстанция, некая мякоть, некая плещущаяся грязь, не в смысле грязи как отброса, а в смысле той первозданной грязи, из которой творились первые формы. На эту субстанцию воздействует некий жесткий невидимый луч, он поднимает волны, он вздыбливает холмы, рождает воронки. И процесс взвихрения субстанции, в ответ на действие этого луча, образует то, что называется реальной историей. А наиболее острые, наиболее глубинные, значимые парадигмы этой реальной истории образуют священную историю, в формулах которой мы опознаем тайный смысл времени. Человек в принципе определяется в европейских языках как «смертный». Смертный, morte – синоним человека. Когда говорят morte, сразу ясно, что речь идет о человеке, а не о собаке, хотя собака тоже умирает. Человек интуитивно знает, что всем живым созданиям суждено уничтожение, и только для него главным определяющим его существо фактором, определяющим его стержнем является смерть. Сказать «двуногое без перьев» – ну вот, петуха ощипали, и будет двуногое без перьев. А сказать «смертный» – никто не принесет ни петуха, ни воробья, ни крысы, никому не захочется шутить. Всякий сразу поймет, что речь идет о нем и о ему подобном. Смертный – это характеристика юдоли (библейское понятие), юдоли человеческой, человеческого состояния. Это обозначение того, о чем говорится в Евангелии – сегодня как трава растете, а завтра в печь. Человек видит, что его окружает непрерывное становление, то, что было вчера, сегодня исчезает, а завтра не будет. То, что он видел в своем детстве, привычные лабиринты улиц, привычные дома, то, с чем сопряжено его первое впечатление юности, – на глазах исчезает, рассыпается, перестраивается. А внуки уже не видят того, что только появилось в его старости. Сквозь все бытие идет черный поток уничтожения. Этот черный поток уничтожения, пожалуй, главный и основной знак невидимой реальности, того ноумена, который стоит за вещами. Он открывает себя не в том, что он встал перед нами как груша, или как банан, или как магнитофон, он, этот ноумен, открывает себя в том, что он уничтожает грушу, банан, магнитофон. Все, что есть, уничтожается. И это единственное обозначение ноумена. Значит, ноумен негативен по отношению к сущему, негативен по отношению к человеку. Ноумен – это то, что губит, это, как представляли себе традиционные индуисты, богиня Кали, увешанная черепами, некая бездна, в которой все исчезает. Эта бездна действует вокруг нас, она пронизывает вещи. Мы можем себе представить, что весь мир – это некое горящее полено. Огонь невидим, но полено на наших глазах чернеет и съеживается. Этот невидимый огонь есть прямое присутствие ноумена.

Что такое Традиция? Это непосредственная попытка «подружиться» с этим пламенем, включить это пламя в свой состав, сделать его своей собственной кровью. Интересно, что в XX веке такую героическую попытку предприняли кабинетные интеллектуалы, чья жизнь

была подвигом среди книг, рукописей, письменных столов и кресел. Странный аспект очень своеобразного современного героизма.

Итак, традиция, реальность, смерть – это очень сопряженные понятия. А попытка включить это пламя в свою кровь – что это такое? Это солнечная воля, это воля к власти, которая является неотъемлемой чертой подлинной жажды истинного знания. Но она является и героической, и трагической, и связанной с идеей собственной смерти, принятия этой смерти. И вместе с тем это есть единственный стержень, которым можно определить подлинную «пассионарность».

Тут мы оказываемся перед странным феноменом. Когда мы встречаемся с людьми, представляющими Традицию в нашем мире, будь это священники, или муллы, или шаманы, то мы сталкиваемся с полным отсутствием пассионарности в этих людях. Мы видим, что в них присутствует скорее лунная созерцательность. Очевидно, Традиция действительно имеет несколько аспектов. В кинозале сидят и критики, и банальные обыватели, и неизбежно те же собаки. Традиция глубоко неоднозначна. Существует институт жрецов, который из тысячелетия в тысячелетие поддерживает и вырабатывает этот способ прямого созерцания реальности. Они, брамины, великие посвященные, просто созерцают реальность в чистом виде. Поскольку они не могут передать это свое видение, они говорят параболами, баснями, притчами, символами, рисунками, иероглифами. Дальше идет уже некое «второе обслуживание» этих символов, иероглифов – возникает уже традиционное искусство, которое работает с третьим, четвертым производным от этих символов.

При этом непонятно одно. Зачем тогда приходили в этот мир пророки? Зачем приходил Иисус Христос? Зачем приходил Мухаммед? Они ведь не были этими жрецами. Они ничего не созерцали, они получали откровение. Откуда? Из того ли ноумена, который сквозит как невидимое пламя сквозь полено мира? Или из другого источника? Где краеугольный камень жизни и смерти – та ли тайна, на которой зиждется все, или есть еще какая-то контртайна, которая противостоит этой первой?

Задачей этого курса будет попытка ответить и на этот вопрос, в частности, и попытка просто решить, не является ли дуализм последней тайной единства.Я хочу познакомить своих слушателей с тем, о чем будет идти разговор, хочу обозначить тему, поле этого разговора. В первую очередь нужно объяснить, что же стоит за словами «традиция и реальность». Наша тема – это наше отношение к подлинному, а не отношение кого-то, кто жил в другой стране и уже давно умер, к тому, что он считает подлинным. Наше отношение к подлинному для того, чтобы быть занимательным, может иногда соскальзывать на разработку каких-то неизвестных нам имен. Но не в этих именах дело.

Наша главная задача – определить, кто мы, собаки или кинокритики в зале жизни. Наша подлинная задача – определить, что для нас реальность, что для нас традиция, и, если мы кинокритики, определить, «с кем мы, мастера культуры».

ЛЕКЦИЯ № 2. Глобальная перцепция и последняя реальность

1. Проблема «наивного сознания»

Дуализм знания и предмета знания. – Зыбкость абсолютного идеализма. – Уклончивость традиционализма. – Определить «внечеловеческое», начав с человека

Когда уже после вводной лекции задаешься вопросом, что такое «традиция» и что такое «реальность», возникает, казалось бы, странный вопрос: традиция – это знание или бытие? Т.е. это то, что мы знаем, то, что мы несем в своем представлении в качестве информации, несем в своем индивидуальном состоянии духа, или это некий блок существования, некий невидимый кирпич, который присутствует как наличная данность? Если мы возьмем слово «традиция» в его наиболее бытовом, деформированном определении, то традицией окажется то, что передается (обычаи, фольклор).

Наивное сознание склонно убегать от вопроса, есть ли различие между бытием и знанием. Наивное первичное сознание не любит таких формулировок. Оно как бы пожимает плечами. Ненаивное сознание, прошедшее искус различными вопросами и проблемами, отвечает очень хитрым образом: знание и бытие вещи тождественные, две стороны одного и того же. Разве знания не существует? Разве знание – это не блок чего-то существующего? И тут же хитрым образом: знание бывает о чем-то существующем.

Нас не может удовлетворить такой ответ, что знание и существование – это одно и то же, несмотря на внешний лоск откровенного идеализма, даже некой идеалистической романтики, апеллирующей к философскому, духовному инстинкту. Пусть это привлекательно, красиво звучит, но есть что-то внутри нашего неугомонного метафизического сердца, что говорит: «нет, этот ответ слишком прост». В своей грандиозной ловкости это – подмена. Знание и бытие различаются, это не одно и то же. И последние вопросы духа, последний ответ на самые тайные вызовы содержится именно в понимании разницы, может быть, абсолютной разницы между бытием и знанием. Не то чтобы это были две стороны одной реальности. Это две разных, взаимоисключающих реальности, которые тем не менее парадоксальным образом связаны.

Если мы уже приняли этот вызов, если мы почуяли, что бытие и знание – это разные вещи, то возникает вопрос: относится ли Традиция к знанию или она относится к бытию. Ни один традиционалист не «опустился», не снизошел до окончательного, конкретного ответа на этот вопрос. Ни Генон, ни его верные или неверные ученики не стали разрабатывать эту тему. А она очень важна. Я непосредственно знаю и по собственному опыту, и по опыту других, что люди, которые входили в Традицию, интересовались Традицией, задавались этим вопросом. Традиция – это нечеловеческий фактор, это нечеловеческое измерение, это нечто за пределами окружающей нас человеческой непосредственности. Что это такое? Это то, что мы будем знать, или это некая реальность типа здания, с которым мы соприкоснемся и потрогаем его, когда туда войдем, или облака? И обычно на это отвечают уклончиво: традиция – это некая данность, которая есть всегда и которая может быть доступна определенным путем с помощью определенных средств.

Попробуем сейчас в этой беседе подойти к началу ответа на данный вопрос. Занимающийся Традицией человек стоит перед вызовом гносеологического порядка. Ему нужно определить, понять, откуда и как получается то, с чем он имеет дело. Возьмем самого обыч-

ного человека, лишим его определенных свойств, представим себе, что это дикарь из Новой Гвинеи или крестьянин из альпийской деревни. Можно с любого человека содрать его атрибутику, и получится некое существо, сведенное к двум-трем основным декартовским параметрам. Он – это точка, и – протяженность вокруг него. И мы увидим, что в каждом человеке, безотносительно его уровня и статуса, живет некое напряжение вопроса.

2. Человек как орудие восприятия

Попытки выяснить границу восприятия: младенец, животное, сумасшедший. – Хрупкость «зеркала». – Восприятие и бессмертие

Человек – это вообще черная дыра вопросительности, черная дыра некой проблемы. Это не значит, что он задается вопросом, это не значит, что он думает, в чем заключается смысл жизни, что такое «я», зачем я пришел, куда иду. На самом бессознательном уровне человек есть носитель вопроса. Что это за вопрос? Это в принципе некое изначальное ощущение того, что он как перцептор, как воспринимающий является неизмеримо большим, более объемным, чем то, что отражается в зеркале этой перцепции. Иными словами, любой человек чувствует, что он – некая кастрюля, в которую налили слишком мало воды, что эта кастрюля бездонна, и сколько бы туда воды ни налили, объем ее всегда будет превосходить содержимое.

Человек ощущает себя изначально как чистое восприятие. Представим себе младенца в невинном состоянии, невинного жирного младенца, бегающего среди васильков по лужайке, гоняющегося за бабочкой. Такой классический райский образ предстает в воспоминании каждого человека, мечтающего о своем детстве, ностальгирующего и т.д. Что представляет собой этот младенец? Он представляет собой чистое восприятие, конкретную и всеохватывающую встречу между «я» и «не-я», ничем не замутненную, в которой эта встреча есть большее, чем встречающиеся начала. Это чистое восприятие переживается как нечто большее, чем бессознательно присутствующие в этом восприятии «он» как бегающая физическая единица и лужайка с цветами и бабочками, которая им воспринимается. Восприятие больше и этой лужайки, и его, бегающего по лужайке.

Вы можете сказать, что и собака тоже воспринимает. Человек отличается от собаки тем, что в нем восприятие обособлено и отчуждено, как некая самодовлеющая стихия, потому что в любом живом существе, кроме человека, восприятие резко, конкретно, остро функционально. В каждый конкретный момент оно совпадает с единицей восприятия. Появляется у собаки хозяин – он полностью заполняет ее восприятие. Появляется угроза – она полностью заполняет восприятие. Человек же в каждый данный момент чувствует, что как бы ни нахлынула на его органы чувств, на его опыт, на его эмоциональную способность внешняя волна мира, стихия «не-я», среда – восприятие все равно больше, оно не заполняется этим. Не он сам, человек, но его восприятие больше всего встречного. Этот младенец чувствует только чистую глобальность восприятия, и поэтому он ощущает вневременье, то, что расшифровывается как счастье, пребывание вместе со временем.

И вот этот младенец падает. Упал и разорвал себе кожу на коленке и дико завыл. Произошло резкое раздвоение его внутреннего состояния.. Образовалась некая двойственность. Вдруг оказывается, что у этого огромного незамутненного восприятия есть носитель. Оказывается, есть восприятие, а есть воспринимающий. И воспринимающий очень хрупок, исчезающе мал. Вот первая травма райского состояния. Оказывается, восприятие ничем не замутнено, бездонно и является как огромное зеркало, которое никак нельзя заполнить даже небом

с его облаками, но это зеркало можно уронить, и оно разобьется. Восприятие не разобьется, а воспринимающий разобьется. Возникает первая двойственность. Человек обнаруживает, что в нем есть два начала: смертное, хрупкое, исчезающее – это он сам как некий физический предмет, как опора второго начала, и это самое второе начало, функция, которая бессмертна, которая не зависит от превратностей. Каждый из нас, будучи человеком, уже автоматически является носителем этих данностей. Человек не может представить себе, чтобы восприятия не было. Это заложено в самые недра его психобиосущества. Оказывается, что есть это чистое восприятие, которого не может не быть, эта перманентная фонтанирующая встреча, бесконечная встреча «я» и «не-я». И есть та конкретная индивидуальная опора – конкретный Петя, Вася, – которая может быть исключена из осуществления этой функции. Восприятие останется, Пети не будет.

Забегая далеко вперед, я должен сказать, что энергия чистого восприятия тесно связана с этой двойственностью. И, пытаясь ответить на вопрос, почему эта вопросительность есть специфика человеческого существа и почему ее нет в любом другом живом существе, я могу сказать, что эта черная дыра восприятия, которая является источником райского самоощущения, но также травмы и беспокойства, принадлежит человеку как служебному существу, как инструменту. Человек не самодостаточен, он существует как механизм Провидения, Провидение использует человека для каких-то своих целей. Человек – это гносеологическое ружье, оно заряжено некой давящей его способностью, которая не соответствует его задачам и целям как самостоятельной и самозаконной системы. Любое живое существо, гораздо меньшее, чем человек по параметрам своих проявлений, возможностей, автономно. Заяц автономен. Заяц существует только как некий живой механизм для самого себя. Если в человеке нарушается вопросительность, если нарушается давление этой внутренней черной дыры, в нем иссякает воля к жизни, он либо начинает совершать неадекватные, асоциальные действия, либо кончает с собой. В любом случае, он начинает идти вразнос, срабатывает механизм автодеструкции. Животное сходит с ума только в исключительных случаях, когда среда начинает его мучить и терзать до такой степени, что у него нарушаются функциональные параметры узкого замкнутого восприятия.

Это нехарактерно для животного. Для человека это настолько характерно, что существуют целые психиатрические школы, которые рассматривают человека как сумасшедшего в принципе и просто различают клиническую и социальную стадию этого сумасшествия. Что хотят сказать эти психиатры? Что человек существует не ради себя. Сказать, что человек сумасшедший – это попросту сказать, что человек активно испытывает свою предназначенность для чего-то, что не есть он сам, его непосредственная жизнь, его непосредственные задачи. Вульгарно говоря, когда человек считает себя, например, Наполеоном или кем-то другим, кем он на самом деле не является, он тем самым в грубой инфантильной форме декларирует, что он есть механизм Провидения. Когда он говорит, что «я – это не я, а кто-то другой», он тем самым хочет сказать, что он существует как механизм в чьих-то неведомых страшных руках. И это, оказывается, связано с тем, что восприятие человека ощущает самое себя.

3. «Небо без звезд»

Бесконечность – последний объект восприятия. – Созерцательные истоки экстаза. – Сыны неба – каста созерцающих

Итак, что же воспринимает человек? Что является предметом этой перцепции? Что-то же соответствует восприятию по ту сторону стены. Человек хочет – это его интеллектуальная воля, – чтобы его неограниченной способности воспринимать, этому необъятному зеркалу, соответствовало что-то не менее достойное, что-то настолько грандиозное, чтобы ради него стоило это зеркало раскрывать и разворачивать, как своеобразный ковер, стоило бы открывать эту воронку, эту кастрюлю восприятия. Т.е. нечто должно быть достойно этой огромной фонтанирующей бесконечной встречи «я» и «не-я». Что это за воспринимаемое «не-я»? Забегая вперед, скажем, что это воспринимаемое является бездонным, последней реальностью. Человек хочет последней реальности. Даже ребенок, бегая по лугу, бессознательно понимает, что это не последняя реальность. Даже в этом детском раю пчел и мотыльков существует тайное шипение змей в травах, которое он не слышит явным слухом, но оно есть. Это понимание ведет к отсеиванию внешних планов, к жажде последнего. Многие останавливаются на уровне расширенной рутины внешнего мира. Это не значит, что они ограничиваются темой работы, социума, семьи и т.д. Нет, они могут быть космистами, они могут говорить о неисчерпаемом многообразии материи. Вот то последнее, говорят они, неисчерпаемое многообразие, поток становления, который полностью заполняет зеркало нашего восприятия, может быть, даже и превосходит его.

Я хочу в этой связи, опять забегая вперед, сказать, что нет позиций, автоматически и абсолютно чуждых со всех сторон Традиции, потому что любая интеллектуальная позиция так или иначе спровоцирована, предопределена тайной логикой, которая внутри Традиции содержится. Вы не можете сказать ни «a», ни «b», ни «c», ни «кукареку» без того, чтобы это не было фонетикой. Вы можете говорить либо стихами, либо прозой, а потом узнать, что вы говорили прозой или стихами. Оказывается, и «проза», и «стихи» – это литературные термины. Оказывается, что все, что вы говорите – это в некотором смысле устная литература. Т.е. даже когда человек несет очевидную глупость, если эта очевидная глупость спровоцирована интеллектуальным импульсом, она логически предопределена тайным раскладом векторов внутри самой Традиции. Но это уже позднейшая тема. Итак, человек хочет знать, что же соответствует его восприятию, которое является его первичной данностью. Он понимает, что он на самом деле, как свечка, поддерживает пламя огня, он поддерживает функцию перцепции. Он перцептивное существо, чистый механизм перцепции.

И вот, когда он приходит к этому последнему, то для него наступает экстатический момент, когда последнее в его восприятии являет неожиданно для него одно с самим восприятием. А восприятие тем самым – одно с воспринимающим. Эта брешь между восприятием, которое бессмертно, и воспринимающим, который смертен, внезапно заполняется.

Представьте себе, что то последнее, что вы воспринимаете как некую правду, некое соответствие вашему восприятию – это небо без звезд.. Это небо, у которого нет земли, нет облаков, но вместе с тем это – не черная пустота, которая бывает, когда закрываешь глаза и просто редуцируешь зрительную способность, а это – действительно чистое восприятие, которое заполнено на том конце, на противоположном полюсе, небом без звезд. И в этот момент вас заполняет экстаз ощущения, что ваше восприятие есть не что иное, как то же самое небо без звезд, просто внутри вас самих, и вы сами есть подножие этого неба без звезд. Три члена этого уравнения оказываются одним и тем же. И тогда внезапно вы понимаете, что это небо без звезд – ваш отец, что ваше восприятие, бесконечная перцепция, которая встретилась с тем, что ее достойно – это всепронизывающий дух, и что вы, смертные вчера, но внезапно в этом экстазе соединения ставшие бессмертным и тождественным восприятию и воспринимаемому – сын этого неба без звезд. В этой троичности, максимально доведенной до конца перцепции, содержится вся первичная тайна жречества, тайна той гносеологии, на которой построена великая метафизика примордиальной Традиции жрецов. Я не хочу сказать, что они имеют в виду в качестве последнего небо без звезд, я предупреждаю, что это

инфантильный образ последнего. Конечно же, жрецы подразумевают под последним не небо без звезд, а то, что они определяют апофатически, то, от определения чего они уходят, то, что является предметом ведических гимнов. Представим себя детьми, пытающимися философски или метафизически определить свой статус в абсолютно непознаваемой вселенной. Тогда мы сможем предположить, что последнее – это небо без звезд, в которое нет прохода. И вот внезапно мы обнаруживаем, что есть триада перцепции, являющаяся моделью всех последних ответов, которые эта жреческая каста через незапамятные тысячелетия несла и несет человечеству.

4. Традиция и интеллектуальная культура

Откуда выходит миф? – «Естественная религия «суфиев». – Простота эллинских Мудрецов. – Философы дают «частное определение» Универсального. – Кризис человека как кризис Всеединства

Когда я пытался формулировать какую-то схему сегодняшней беседы, то испытывал большой дискомфорт по поводу того, что это очень методологически, архитектонически сложная тема. Мы только начали. Все, что мы объяснили по поводу перцепции, различения перцепции и носителя перцепции, по поводу триады, в которой устанавливается, схлопывается единство между последним воспринимаемым, восприятием и воспринимающим – это только преамбула.. Нам придется говорить немного разорванно, потом собирая эти части в новый пучок. То, к чему мы сейчас подошли, этот комплекс, эта триада, эта перцепция, которая наконец-то нашла и достойную опору – возвысившегося до нее воспринимающего, и достойный объект – последнюю реальность, все это называется интеллектуальным созерцанием.

Интеллектуальное созерцание, в котором наступает немыслимое, невиданное, непредсказуемое, но тем не менее парадоксально состоявшееся заполнение этого зеркала до краев. Каждый человек знает с рождения, что его перцепция не может быть заполнена, она огромна, бесконечна, нет ничего, что бы могло войти в нее на равных – и вдруг она заполнена. И вот когда она заполнена, это называется интеллектуальным созерцанием.. Что это такое? Это – прежде всего недискурсивная рефлексия. Интеллектуальное созерцание есть спонтанное, глобальное отражение последнего, которое не может иметь определения. Когда носитель этого созерцания выходит из состояния непосредственного экстаза, непосредственного соединения всех трех элементов, он может рассказать о бегающем на лугу мальчике, и это будет некая притча. А если он этому мальчику даст некое имя, Эрос, например, то это будет миф. Таким образом, миф генетически восходит к состоянию постинспиративному, постсозерцательному. Т.е. это некая иллюстрация вещей, которые ситуативно описывают полноту перцепции. Чистая мифология не поддается интеллектуальной дешифровке. Фрейдисты, неофрейдисты, структуралисты, которые пытаются описать, интерпретировать мифы с рациональной дискурсивной стороны, занимаются исключительно пустым и безнадежным делом, потому что они начинают не с того конца. Миф возникает после того, как жрец вышел из состояния полноты интеллектуального созерцания. И мифы он рассказывает не для того, чтобы наподобие дзэнского учителя через какие-то притчи что-то пояснить. Он создает определенные вербальные ситуации, сосредоточение на которых технологически позволяет воспроизвести вновь и вновь это состояние триединства перцептивных моментов – восприятия, воспринимаемого, воспринимающего. Т.е. мифы – это символы и иероглифы, которые являются ключами к тайне последней перцепции. Но есть нечто другое. Все мы знаем, что

в какой– то момент, в VI веке до Р.Х., период такого мифотворчества, по крайней мере, на Западе, кончился. И появились философы, мудрецы, Милетская школа. Это очень интересно, потому что на самом деле греки удивительный народ. Читаешь древних греков, их простые попытки объяснить что-то на пальцах, и думаешь: а ведь в это время Моисей уже триста лет как привел свой народ в Ханаан из Египта. А привел он его от фараона, который был окружен жрецами, знавшими такие тайны, к которым только уже на деградированном уровне этих тайн приблизился Платон. А в это время ведические гимны уже комментировались философами адвайтистских школ. Правда, термин «адвайта» появился много веков спустя, но сама адвайта была уже и тогда. Сложнейшие, интеллектуальные комментарии Традиции существовали в Индии, Китае, Египте, Вавилоне, Халдее. Но эти комментарии были настолько громадны, настолько мощны, звучны, как трубный глас, что с ними нечего было поделать, их можно было только изучить. А в Греции встает человек с развивающейся седой бородой, и говорит: все есть вода. Это же великолепно! Что стоит за этим наивным, детским и, по видимости, совершенно убогим восклицанием?

В суфийской традиции существует такая книжка, она называется «Хай-ибн-Якзан», что переводится как «Живой Сын Единственного». В этой книге излагается такое повествование. Из ила завелась биологическая молекула, личинка. Она стала проходить разные стадии, с позволения сказать, «эволюции». Появился человек, разогнулся и встал. Он такой живой Голем, он ничего не знает, у него пять органов чувств. У него просто есть чистая априорная способность к перцепции.. Он начинает созерцать и, согласно этой суфийской книге, приходит ко всему тому, к чему в действительности пришло человечество. В суфийском контексте он приходит в конечном счете к идее единого Бога, Творца. Т.е. это то, что многие философы, теологи называют естественной религией.

Человек, пущенный на лужок побегать, приходит к естественной религии путем простого восприятия себя и окружающего. Интересно, что древние греки просто иллюстрируют эту книжку. Они являются такими, из ила заведшимися существами, которые поднимаются, оглядываются и начинают высасывать из пальца объяснение всей реальности. В это время уже пирамиды построили, уже существует вавилонская протокаббала, уже существуют детально разработанные категории даосской метафизики, а эти ребята из пальца высасывают, что пространство больше всего потому, что оно все вмещает. Какие колоссальные фразы! Это сказал Фалес Милетский, первый из семи мудрецов, как известно. Эти семь мудрецов ведь не просто философы. Мы знаем, что в индийской традиции есть понятие септа-риш, которое буквально значит то же: семь мудрецов. И они, являясь председателями Манватар, космических циклов, символизированы в Большой Медведице на небе. Семь греческих мудрецов, с одной стороны, предстают как бы такими супернаивными детьми ила, а, с другой стороны, оказывается, что есть определенная аналогия с семью мудрецами великой Традиции. Но уж больно просто они говорят. Вместе с древними греками мы как бы приседаем на корточки. В силу своего высокомерия мы думаем, что уже не скажем такие глупости, как «пространство больше всего», что мы давно прошли эту стадию. Мы приседаем на корточки и пытаемся тоже вместе с ними родиться из ила и посмотреть на все умытыми глазами.

Фалес Милетский говорит, что все есть вода. Анаксимандр, его ученик, говорит: нет, все есть огонь, апейрон. Эта концепция апейрона представляет собой указание на то, что в огне сочетаются два взаимоисключающих полюса, крайне противоречивая природа. В нем есть темный жар и светлый холод – свет ассоциируется с абсолютным нулем, мировым духовным льдом, а жар с абсолютным мраком, пустой непроглядной тьмой. Бесполезно искать иллюстрации этого на физическом плане, хотя каждый из нас видел в пламени свечи некое темное ядро. Но речь идет о том, что жар и свет – это борющиеся противоположности подлинной огненной стихии. И, по Анаксимандру, они эмансипируются друг от друга. Холодный свет начинает битву против темного жара. В результате этого возникает все суще-

ствующее. Темный жар является основой невидимого мира, а холодный свет – видимого. Т.е. он создает небеса и землю, космос. (В скобках хочу заметить, что нацистская космология борьбы огня и льда непосредственно восходит к этой позиции Анаксимандра.) Потом приходит его ученик, который говорит, что все есть воздух. Что бы это могло значить? Понятно, что Фалес имеет в виду не совсем физическую воду. Но в другом месте он говорит, что люди произошли от рыб, значит, он имел в виду физическую воду тоже. Может быть, он имеет в виду тех рыб, которых ловили апостолы? Тем не менее он говорит, что люди произошли от рыб, и что все есть вода. В любом случае, какую бы воду он не имел в виду, пусть это трижды элементы, субтильная вода и т.д. Но вода – это вещь совершенно конкретная. А мы-то видим, что мир очень разнообразен. В нем есть и вода, и воздух. Так как же можно сказать, что все есть вода? За этой тайной стоит великая попытка конкретизировать до предела безымянный предмет перцепции, последнюю реальность, по поводу которой перцепция младенца является глобальным вопросом и которая полностью заполняется созерцанием жреца. Фалес хочет дать этому имя, дать этому конкретное, особое наличие. Любой ценой, неважно, что кто-то потом говорит другое – про огонь, воздух. Он хочет дать этому последнему конкретное определение: «Все есть вода, т.е. последнее, что есть – это вода. Ничего нет, кроме воды».

Что это такое? Это философия. Чем она отличается от созерцания жреца? Тем, что за этим стоит парадигма откровения. Потому что когда человек созерцает нечто и находится по ту сторону слов, в чистом тожестве с тем, что он созерцает, он является жрецом. А как только он эмансипируется из этого состояния, пытается дать этому конкретное имя, – это импульс, который парадигматически соответствует откровению. Философ – это существо, которое пытается извести откровение из недр своей души. Но тут он попадает в определенное противоречие явного свойства. Оно коренится в самой тайне интеллектуальной воли, тайне перцепции. Сказав «все есть вода», он не может долго и серьезно защищать этот тезис. Ему, допустим, ясно, что все есть вода. Но его ученику уже ясно, что все есть огонь. А ученику ученика – что все есть воздух. Если кроме воды есть, оказывается, огонь или еще даже и воздух, да даже что бы то ни было, то тогда вода не последнее.

Оказывается, что, может быть, воды-то и нет! «Последнее» по своей конструктивной природе должно быть исключительно всем. Перцепция требует совершенного монизма. Нельзя защищать этот монизм, когда ему дано такое имя – «вода». Нельзя защищать последнее воспринимаемое, когда оно допускает рядом с собой что-то другое. Возникает новая школа. Она говорит, что все есть ум. Ум практически ничем не отличается от самой перцепции. Сказать «ум» – все равно, что сослаться на предикат «есть». Мы берем это «есть», «предикат», который приставляется ко всему, освобождаем его от любой конкретности, и у нас получается «ум». Но поскольку этот ум совпадает с утверждением «есть», мы говорим, что этот ум есть бытие, и этот ум есть благо. Он не допускает никакого негатива, он есть только позитивное утверждение. Таким образом, возникают два пути. Первый путь – это конкретизировать все вопреки всякой логике, парадоксально, на уровне конкретики «вода, воздух, огонь», некое это, которое качественно переживается. Другой путь (марксисты назвали бы его идеалистическим, хотя назвать все водой – не меньший идеализм) – назвать все умом. Возникают два таких варианта, которые связаны и сопряжены с тем, что само восприятие как бы раздваивается.

Мы сказали, что последнее безымянно, последнее воспринимаемое заполняет перцепцию всю без остатка. И в этот момент наступает единство всех трех элементов, интеллектуальное созерцание. Но существует еще и мир, очень сложный и многообразный, не обязательно только физический, который как бы чувственно давит на существо. Это не обязательно небо без звезд, но, к примеру, то же небо со звездами. Если мы исходим из монистического тезиса, если мы поняли, что не отделаемся водой, воздухом и огнем, если мы знаем, что то последнее, которое реально существует, существует только исключительно и

только потому, что ничего не существует рядом с ним, то мы попадаем тогда в дилемму действительного и последнего. Если небо без звезд – это все, и это – последнее, то как быть со звездным небом, как быть с лужайкой и всем остальным миром? Он параллельно существует? Исходя из принятой предпосылки, мы вынуждены сказать, что видимое нами вообще не существует. Небо без звезд существует, а то, что мы видим, не существует. Мы можем найти массу доказательств, что оно действительно не существует. Это дерево вчера было, а сегодня его срубили и сожгли. На самом же деле оно не существует. Любой вещи, на которую мы покажем, не было и не будет, поэтому она не существует. Чувственный мир, который давит на нашу перцепцию – это «мнение», майя, иллюзия и т.д. И при этом все равно остается ощущение неполноты, недоговоренности. Можно сто раз сказать, что всего этого не существует, но это хорошо младенцу, пока он не упал и не разодрал себе коленку. А после этого ему уже сложно об этом говорить. Можно об этом говорить, выйдя из состояния экстаза, где все три элемента перцепции едины. Но когда они уже не едины, и ты вновь вспоминаешь, что носитель перцепции смертен?

Ответ на этот вопрос заключается в слове «теофания». Да, конечно же, три элемента перцепции – воспринимаемое небо без звезд, восприятие (зеркало наших духовных очей), и это тело, которое является подставкой для очей, – едины. В этот момент единства действительно происходит наступление божественной полноты. (Божественной – без указания на источник традиций; я не говорю, что под словом «божественный» имеется в виду бог Авраама, Иисуса, Мухаммеда. Я употребляю слово «божественный» с маленькой буквы.) Мы не можем сказать, что майя – абсолютный фантом. Она бьет нас, и очень сильно. Поэтому необходим мгновенный молниеносный пробой, вспышка, которая бы заполняла два этих полюса – небо без звезд и землю под нами. Это – объективная теофания, которая таинственным образом случается, когда внезапно некий элемент окружающего вдруг свидетельствует о соединении плюса и минуса, совпадении двух, казалось бы, несводимых полюсов. Такие вспышки существуют и регламентируют технологию жреческого созерцания.

Но остаются философы, которые упорно и безнадежно ищут имя последнего. Это воля дать универсальному конкретное уникальное обособленное имя, дать ему статус – это традиция или заблуждение? Мы говорим о философах в архаическом, древнегреческом смысле. Философ является «профаном», который пытается что– то понять в последней реальности, но не может войти в это не нуждающееся в объяснениях состояние созерцания, и поэтому говорит всякие глупости? Или же это странный раскат грома на далеком горизонте безоблачной традиции жрецов? Я верю в последнее.

Естественный человек, поднявшийся из ила, в лице эллина показывает зубы, когда говорит, что все есть вода. Он показывает, что не все благополучно в этом королевстве чистой райской перцепции. Короче говоря, философ – это человеческая тень, человеческая иллюстрация возможности пророка. Философ – это та дверь в человеческом теле, которая потенциально открыта для истинного пророка. Когда Фалес, Анаксимандр, Парменид говорили свои наивные вещи, к этому времени уже полторы тысячи лет существовала авраамическая Традиция, уже существовал Моисей. К этому времени уже существовал колоссальный взрыв противостояния между миссией пророков и миссией жрецов. К этому времени Авраам уже осудил и обрек на полное отрицание все то, что является составляющей и содержимым эйфорического триединства глобальной перцепции. Он отверг это как цель, как задачу, как подлинную миссию, как содержание истины. Не то чтобы он сказал, что этого нет, он сказал, что не будет этому поклоняться. А библейская традиция утверждает, что и до Авраама Ной говорил то же самое, причем очень серьезным людям, атлантам. Атлантам, которые, согласно преданию, владели цивилизацией, намного превосходящей нашу сегодняшнюю. Ной говорил это атлантам, они его игнорировали. И они были уничтожены. Ной перенес в «наше» время, начавшееся тринадцать тысяч лет назад, эту традицию отрицания или кри-

тики перцепции. Таким образом, миссия пророка – говорить, что мы не будем верить и поклоняться тому последнему, которое открывается глобальному восприятию. Не сродни ли это желанию философа дать конкретное имя этому последнему безымянному? Философу мучительно нужно найти вещественную особость этой тайны. Он говорит, что все есть вода, что последнее, что есть, ощущается как вода, или как огонь. Тем самым происходит какой-то взрыв, кризис этого безоблачного глобального восприятия, которое не нуждается в именах и объяснениях. Но ведь это знак, что восприятие, перцепция не является изначальным, тогда как человек рождается с ощущением, что кроме восприятия нет ничего, восприятие – это все, что только может быть, восприятие было и будет всегда.

5. Жрец, философ, пророк

Метафизика тожества и болезнь духа. – Философы бросают вызов. – Пророк против Всеединства. – «Неединственность» Единого. – Культура. – «Тепловая смерть». – Традиция

Восприятие – это встреча «я» и «не я», встреча двух элементов. Не означает ли это, что восприятие производно? Можно сказать, что восприятие предшествует этим двум элементам. Но откуда тогда это восприятие? В метафизике Традиции мы не находим объяснения, почему возникает восприятие. В ме– тафизике Традиции мы сталкиваемся с подменой вопроса. Там говорят, что восприятие – это функция ума, которая есть последняя реальность. Говоря несколько упрощенно, в терминах Парменида, Платона, восприятие – это ум. Потом это повторил Гегель, сказав, что все существующее разумно, т.е. только в этом смысле, что о любом существующем можно сказать, что оно есть. А сказать, что оно есть, значит осуществить акцию ума, которая приравнивается к восприятию. Но мы-то знаем в глубине души, что это не так. Мы знаем, что здесь скрыт какой-то подвох. Восприятие должно иметь какую-то причину, какую-то пружину, тайный импульс, из которого оно исходит.

Почему живое способно воспринимать? Мы знаем, что все воспринимающее стремится к монизму, стремится подойти к тому последнему, кроме чего ничего нет. Это есть доктрина истины, как говорит Парменид. Но если мы к этой истине подошли, если мы с этим слились, то встает вопрос, как мы в самом начале из этого вышли, как мы начинали свой путь. Почему вообще, как сказал великий Хайдеггер, существует нечто, а не ничто? К этому вопросу приходит человек, который мучительно ощущает недостаточность глобальной перцепции в самой себе. И оказывается, что в небе без звезд есть, может быть, одна невидимая тайная черная звезда, которая является источником этой дистинкции, этого восприятия, источником различения. Ведь восприятие основано на различении.. Чтобы воспринимать, нужно быть неравным тому, что ты воспринимаешь. Младенец, бегающий по лугу – это не камень, который на лугу лежит. Монизм не объясняет первозданных истоков, не объясняет того, как возникает это различение. Да, мы знаем космологию Санкхья, знаем про Пурушу и Пракрити, знаем систему разделений на пассивное и активное, на субъективное и объективное, но все эти схемы не объясняют реальную мистерию разделения. Мне говорят, что я соучаствую в глобальном уме. Приходит философ, который показывает, что существует возможность опротестовывать неловкими средствами это тотальное утверждение жрецов, пытаться давать имена этому последнему. Это в общем человеческом контуре есть брешь, прореха, дверь, в которую входит пророк. Да, человек, говорит он, есть носитель восприятия, подставка для перцепции, восковая свечка, которая является опорой для огонька пламени; но перцепция, восприятие, отражающая способность зеркала – это функция главного, самого важного, того, чего вы не знаете и знать не можете. Ведь воспринимая, вы свидетельствуете

о каждой вещи. Что значит быть свидетелем? Это значит быть не этой вещью. Уникально, что в восприятии человек стремится стать той вещью, которую он воспринимает, а условием восприятия является его отличие от этой вещи. И каждый раз воспринимая что бы то ни было, он свидетельствует, что он есть не это. Вот что опущено, выведено за скобки в жреческом созерцании.

Жреческое созерцание ориентировано на монизм и тожество. Пророк говорит нам: «Нет, великой тайной и великой истиной является ваше отличие от всего. Вы стоите в центре неких кругов, которые начерчены вокруг вас. Вы являетесь точкой, не совпадающей с тем пространством, в котором эта точка нанесена. Дистинкция первична. Вы свидетельствуете». Главное в этом свидетельствовании то, что оно должно быть обращено на функцию самого себя, что свидетельствование должно свидетельствовать себя. Чистое свидетельствование, отличное от восприятия, от воспринимаемого, от всех аспектов этого конечного, финального, экстатического единства – конец этому единству. Вы не тождественны ничему. Как может быть получена эта истина естественным путем, путем размышлений? Никак, потому что человек, поднявшийся из ила, может работать только с перцепцией, которая захватывает его целиком. Но открыть источник этой перцепции он не может. Это может быть получено только прорывным, откровенным путем. Это никак не может прийти из утверждения последнего объекта восприятия. Для этого нужно откровение.. Тогда встает вопрос об источниках откровения.

Намечая тему будущей лекции, я бы сразу хотел сказать, что источником откровения является кризис, таящийся внутри Единого. Потому что Единое, кроме которого ничего нет, на самом деле, оказывается глубоко тревожным, беспокойным, дискомфортным, дисбалансированным понятием или реальностью. Единое, данное в чистом, безусловном, доведенном до логического конца виде – это крайне противоречивая, кризисная реальность. Если мы исходим из монистической аксиомы, что в начале есть бездна, лишенная определения, то нам просто непонятно, каким образом из этой бездны можно сделать шаг в первую дефиницию. Непонятно, каким образом есть нечто вместо того, чтобы было просто ничто. А ведь восприятие, свидетельствование – это единственная демонстрация того, что ничто нет, а есть нечто. Таким образом, мы подходим к тайне того, что, оказывается, Единое – это квадратный круг. Вместе с тем мы понимаем, что не можем остановиться на идее множественности, двойственности и т.д. Мы сталкиваемся с колоссальнейшим парадоксом духа. Единое есть, как бы даже очевидно, что оно должно быть и кроме него ничего быть не может, но вместе с тем его быть не может, потому что если бы было Единое, то не было бы нас.

Пророк приходит для того, чтобы это разрешить. Он является живой демонстрацией того, что некий духовный импульс приходит извне. Философ, даже такой мудрец как Фалес, не может доказать, что его инспирация «все есть вода» пришла извне. Это интересная мысль, но она в принципе доступна любому. Жрец, поющий ведические гимны, созерцающий Брахмана в его непосредственной чистоте, дервиш, обладающий всеми возможными Силами и Властями, просто совершает аскезу и созерцает, и досозерцался до того, что уже полностью это созерцание его заполнило и трансформировало. Но это все натурально – он и существует для того, чтобы это созерцать, он и есть аспект этого Единого. Но он не сможет сказать того, что говорят пророки, т.е. что Единое существует противоречивым и самоисключающим образом. Это абсолютный парадокс в буквальном смысле. Это указывает на источник, глубоко и принципиально чуждый самой схеме человеческой перцепции. Значит, говоря самым общим образом, существуют две традиции – традиция созерцания и традиция откровения, традиция жрецов и традиция пророков. Как они соотносятся друг с другом? Они соотносятся предельно враждебным, напряженным образом. Речь идет о таких фундаментальных вещах, которые касаются тайны того, почему, смотря, мы видим. Когда имеются два взаимоисключающих ответа на этот вопрос, то речь идет о жизни и смерти – соответственно,

жизни и смерти жрецов или, чаще, жизни и смерти пророков. Традиция – это поле битвы между горячим и холодным, в которой рождается теплохладное.

ЛЕКЦИЯ № 3. Профаны и жрецы

1. Итоги предыдущих размышлений: «великая триада» перцепции

Наш курс посвящен теме «Традиция и реальность», и стержнем этой темы является попытка понять, что такое процесс познания, как он соотносится с Традицией как фундаментальным присутствием в мире внечеловеческого начала и что такое реальность в соотношении с нашим познанием, с Традицией.

Тема «Традиция и реальность» естественно распадается на много ответвлений, много русел. Потому что в непосредственном проявлении человеческого духа есть много аспектов, много способов реализовать человеческое восприятие и много способов методологически оформить результаты этого восприятия.

Предыдущие беседы вывели нас на размышления о Традиции, которую мы в соответствии с подходом традиционалистов, в первую очередь Рене Генона, определили как некое фундаментальное, внечеловеческое присутствие, организующее абсолютно весь человеческий фактор. Но Традиция при этом осмысливается и как некий принцип, который дан человеку и который организует его восприятие внешней реальности. Как это соотносится с такой деятельностью человеческого духа, как философия, с поиском самостоятельного ответа, самостоятельного раскрытия тайны восприятия? Для того чтобы подойти к сегодняшней теме, нужно вкратце перебрать основные пункты, на которых мы остановились в предыдущих беседах. Речь шла о том, что человек является носителем восприятия. Рождаясь и развиваясь как живое биологическое существо, он, прежде всего, обнаруживает, что ему присуще восприятие, которое он интуитивно воспринимает как нечто бессмертное, не зависящее от пространства и времени, нечто бесконечное по своей потенции. И лишь потом, сталкиваясь с уязвимостью своего биологического существа, он обнаруживает, что является заложником трагической двойственности. С одной стороны, есть восприятие, потенциал которого неограничен, которое всегда полнее, чем то, что попадает в отражающее зеркало его взгляда на реальность, с другой стороны, очевидна хрупкость этого зеркала, уязвимость этого механизма, смертность носителя восприятия. И третьим элементом является то последнее содержание восприятия, которое единственно достойно этой безграничной способности воспринимать. Мы пришли к образу, не более чем условному, в поддержку этого описания: образу неба без звезд. Небо без звезд является зримым символом той последней инстанции, на которую направлено восприятие, символом той последней реальности, которую человек стремится определить и воспринять, чтобы следующим шагом реально объявить: нет никакой разницы, нет никакой дистанции между этим бесконечным, что воспринимается, тем безграничным восприятием, в котором это бесконечное отражается, и, самое главное, тем уязвимым смертным – носителем этого восприятия. Т.е. воспринимаемое, восприятие и воспринимающий – три члена некоего единства, которое в своей реализации оказывается финальным торжеством этой способности воспринимать, этого чистого, безграничного духовного опыта, в котором устраняется всякая дистинкция, и в котором человек, ведомый этим вектором восприятия, обретает последнее высшее удовлетворение.

2. «Апейрон» греков как чувственный аналог «дао»

Вместе с тем мы отметили, что философы, которые в качестве таковых исторически проявились в Древней Элладе, обладали особой позицией в этом вопросе, и, стремясь к последнему порогу, последней инстанции, последнему горизонту восприятия, не удовлетворялись образом неба без звезд. Они отличались от всех носителей чистого созерцания тем, что искали придать этой последней воспринимаемой инстанции конкретность. Первые из философов называли то последнее всеобщее, за которым и после которого ничего нет, из которого состоит все, то водой, то воздухом, то огнем. Таким образом, они явно совершали некий парадокс. Очевидно, что видимая вода, видимый воздух, видимый огонь – это вещи конкретные, одни из многих, рядом с ними существуют не-вода, не-воздух, не-огонь. И это был вызов видимой логике, когда философы говорят: то последнее всеобщее, которое является «Все» с большой буквы – это вода (например).

Правда, здесь есть одна тонкость, на которой мы можем задержаться – это понятие «апейрон», которое мы расшифровали как огонь. «Апейрон» переводится с греческого как безграничное. В диалектике апейрона мы увидим, что это безграничное проявляется как темный жар и светлый холод, как пламя и лед, которые в своем противостоянии образуют видимый мир. Таким образом, апейрон как безграничное оказывается содержащим первоначально в себе два аспекта чистого пламени – жар и свет. Это очень важное указание, хотя оно делается в скобках по отношению к нашей основной теме. Но в последующем это указание может вдруг обернуться важным, потому что апейрон-огонь отличается от других символов безграничного, таких, как вода и воздух, тем, что огонь активно преодолевает границы, пожирает всякую конкретику. Впервые в философском поиске конкретики, в философском поиске определить бесконечное как конкретное указывается на внутреннюю несбалансированность, внутренний динамизм безграничного, на то, что безграничное не дано просто как безграничное, не положено как некий «бесконечный камень». Ведь нет, собственно, никакой разницы представления безграничного как «бесконечного камня» или как некой бесконечной субстанции типа «воды» и «воздуха». Впервые в понятии «апейрон» проявляется указание на то, что безграничное действует для того, чтобы являться безграничным. Оно действует как пламя, как отрицание, как постоянное снятие границ. И в этом действии оно дуально, оно внутренне противоречиво, оно распадается на темный жар и светлый холод. Это очень интересное замечание, потому что оно выплывет в свое время, когда мы будем вновь и вновь пытаться понять, в чем же тайна нашего соединения с той последней инстанцией, кроме которой ничего нет, соединения, происходящего в акте восприятия. Ведь в своем восприятии человек ищет именно эту последнюю инстанцию, финальную стадию реальности, то, кроме чего ничего нет.

3. Нам не уйти от парадокса: сама бесконечность противоречива

И тут возникает вопрос: как быть с тем, кто воспринимает? Как быть с самим человеком? Ведь если то, что он видит духовным взором – это небо без звезд, или апейрон в своей последней проекции, то, как быть с тем, кто воспринимает? Ведь воспринимающий стремится к восприятию этого неба без звезд, значит, он явно не-оно. Можно, конечно, сказать, что в последнем триумфе тожества всех трех элементов – воспринимаемого, восприятия и

воспринимающего – утверждается финальная истина о том, что кроме этого неба без звезд нет ничего. Но ведь есть начало. Ведь в какой-то момент путь к этому тожеству начался.

Значит, есть какой-то зазор, есть существо, которое каким-то образом отличалось от итоговой бесконечности. Да, мы можем сказать, что бытие с его множественностью – звезды, камни, животные, духи, растения, различные аспекты пространственно-временных и других иномировых условий, – снимается. То, кроме чего ничего нет, то, что является первоосновой, бездной, альтернативой всем частностям, тот апейрон, тот всепожирающий огонь снимает все различия этой множественности. Но дело в том, что воспринимающий не равен и не тождествен ни одному из элементов множественности. Человек, который стремится заполнить свой духовный взор безграничностью неба без звезд – это не камень, не лиса, не куст, это нечто особое, имеющее право на такой взгляд, стоящее в центре.

Иными словами, человек не является одним из многого, потому что ничто из многого не наделено правом восприятия в подлинном смысле слова. Конечно, взаимодействие, взаиморефлекс между вещами, предметами, одушевленными и неодушевленными, есть. Лиса реагирует на зайца, куст реагирует на дождь и т.д. Но не имеет никакого отношения к чистому метафизическому созерцанию, которое не реагирует на среду, а стремится к выходу на последнее, всеобщее, тотальное Все. И, естественно, носитель такого стремления является не кустом, не лисой, ничем. Есть – он и есть – эта бесконечность. Но если эта бесконечность – это все, то откуда он? Как он-то возник внутри этой бесконечности? Значит, небо без звезд имело странным образом одну звезду, которая тем самым, получается, ограничивает эту бесконечность хотя бы в начале. А то, что потом утверждается единство этой звезды с небом без звезд – это последний шаг, который опять же не отвечает на вопрос о первом шаге. Тогда получается, что стремление к тожеству есть стремление скрыть некую проблему, существующую внутри самого бесконечного: каким образом это бесконечное через человека созерцает самое себя?

4. Профанизм как указание на «еще более глубокий» эзотеризм

Здесь мы зададимся таким вопросом. Традиция четко проводит различение между теми, кто внутри нее, и теми, кто вне. В последнем горизонте постулируется твердое обличение профанизма, указание на то, что Традиции противостоят профаны. Наиболее центральным образом тема обличения профанизма, хотя она присутствует у многих традиционалистов, актуализировалась в XX веке. Традиция получает статус школы мысли в лице традиционалистов, т.е. когда Традиция не живет сама по себе, как дыхание, а получает рационально оформленное, школьное бытие в плеяде интеллектуалов (Генон, его предшественники, его ученики). В этой школе тема профанизма была сформулирована очень четко. Современное западное общество, говорят нам традиционалисты XX века, это общество профаническое, условия для проявления, существования Традиции в нем крайне тяжелы и все практически направлено на то, чтобы свести ее на нет. Профанизм пронизывает все. И профанизм есть человеческий фактор, то есть такое состояние, когда человек черпает свои представления о мире из своих человеческих возможностей и опирается на авторитет тех компонентов, из которых он тварным образом сделан. Его тело, органы чувств, психика, настроение, его ratio, его способность к дискурсивному мышлению, сопоставлению, анализу – эти компоненты сами по себе оказываются чистым продуктом профанизма.

Что такое профан этимологически? Это тот, кто стоит вне храма. Профан – вне мистерии, вне литургии, вне некоего тайного свершения. Если посмотрим на истоки этой интуи-

ции носителей Традиции (потому что сами профаны, естественно, не склонны себя таким образом воспринимать), то мы увидим, что профаны, человеческий фактор – это то, что лежит вне вектора последнего восприятия, вне стремления к абсолютному тожеству и единству воспринимаемого, восприятия и воспринимающего.

Есть магистральный вектор Традиции, согласно которому соединяются три элемента: воспринимаемое – небо без звезд, восприятие – безграничное зеркало в сердце, и воспринимающий – хрупкое, смертное существо. Все они через это хрупкое существо-носитель зеркала стремятся к конвергенции, к полному тожеству в финальной реальности без имени, кроме которой нет ничего, которая снимает все. Вот тот полюс, к которому стремится глобальная, столбовая, изначальная Традиция. И на другом конце находятся профаны, которые не стремятся к этому, не владеют технологиями этого вектора, не могут осуществить эту конвергенцию. Проще говоря, профаны – это те, которые находятся в сфере действия того дуализма, в сфере излучения той трагической, непонятной, первоначальной звезды, которая в самом начале созерцания странным образом портит эту картину неба без звезд. Т.е. существует это небо без звезд, но для восприятия его нужна звезда. А наличие этой звезды делает небо без звезд уже не тем, кроме чего ничего нет, потому что есть эта звезда. Заколдованный круг. У корней этого дуализма, в лучах этой проблемы пребывает то, что потом жестко называется профанизмом или нахождением вне храма.

5. Онтология рая. Самопознание как начало греха

Вспомним о пребывании человека в раю, о тех условиях, которыми сопровождалось это пребывание. Бог говорит Адаму: не приближайся к древу, которое находится в центре, древу, которое растет в середине.

Причем Библия говорит об этом древе двояко. Вначале говорится о том, что в середине рая росло Древо Жизни. А еще там было дерево, плоды которого несли в себе различение добра и зла. Т.е. упоминается, что Древо Жизни было в центре, а плюс к этому было то самое древо познания добра и зла, с которым был связан запрет. Но в следующем месте Библии, там, когда уже змей соблазняет Еву, а она в свою очередь соблазняет Адама, упоминается, что они сорвали плоды с Древа, растущего в середине рая.

Когда человек стремится к восприятию того последнего, кроме чего ничего нет, когда он стремится к восприятию неба без звезд, то его духовная воля направлена на то, чтобы постичь финальную реальность как гомогенность. Но если он воспринимает, значит, он есть как некая звезда, отличная от этого воспринимаемого черного неба. Значит, что-то неладно с этой бесконечностью, с которой надо отождествиться ради снятия метафизической проблемы. Он ощущает именно внутреннюю, тайную двойственность своей духовной воли к бесконечному, как необходимость утвердить гомогенность реальности. Вот откуда идет эта интуиция первых философов, первых семи мудрецов, которые говорили о воде, воздухе, огне как гомогенности. Здесь есть непосредственная интуиция гомогенности. Вода гомогенна, воздух гомогенен. Если говорить схоластическим языком, в этом Всем, к которому стремится воспринимающий, есть вкус субстанции. Он стремится не к точке – он стремится к бездне, к тому, что архетипически выражается образами пространства, бездны, неба – к снятию границ, протяженности (духовной протяженности). Он использует духовные образы пространства, образы телесной протяженности как поддержку. Он жаждет тут же стереть у этой протяженности геометрические различия, чтобы сделать ее духовно напоминающей то, что он хочет. Небо, эвклидовское пространство, чистое пространство без определения – вот наиболее близкий символ той бездны, которую он стремится отразить в своем внутрен-

нем зеркале. Это опять же гомогенность, гомогенность пространства – в принципе одно из допустимых определений рая, Золотого века, или вернее даже времени, когда времени не было, то есть предшествования непосредственному движению начальной энтропии, когда время было пространственным измерением, когда геометрических дистинктных форм не существовало, когда пространство было не трехмерным, а четырехмерным. И в середине этого растет Дерево – центр, нарушающий гомогенность. К нему запрещено приближаться, запрещено нарушать эту гомогенность, запрещено встречаться с возможностью центра. Но человек нарушает этот запрет. Он встречается с возможностью центра и тут же понимает, что он наг. Что это значит? Это значит, что он обнаруживает в себе онтологическое, бытийное «я». Он обнаруживает, что является зазором, зазубринкой в гомогенной ровной сплошной ткани субстанции. Он наг, открыт бесконечному давлению среды.Что же человек делает после того, как обнаруживает, что у него есть онтологическое «я»? Он скрывается от Бога среди деревьев рая. Он подошел к дереву, которое росло в центре. Он совершил этот грех, он обнаружил свое «я». Внезапно звуки, которые были неслышны ему в абсолютной тишине блаженства, с ревом нахлынули на него. И он обнаружил себя посреди бьющих в него, стремящихся к нему со всех сторон лучей, он обнаружил свою наготу и он ринулся прочь от центра – во множественность деревьев, на периферию. Он стремится вновь обрести гомогенность, уходя от центра.

Наивные критики Писания, которые были патологически неадекватны, говорили: как же он стремился спрятаться где-то от вездесущего Бога, который всезнающ, всевидящ? И Бог взывал к нему и искал его, а тот откуда-то из кустов, из деревьев отвечал Ему: «ха-ха-ха». А между тем в Писании нам очень ясно излагается абсолютная схема, трагическая схема противоречия между бытием и знанием.

6. Священные писания против посвятительной традиции: двойственность в понимании высшей миссии Человека

Тут возникает вопрос. Что значит это Древо, которое проходит через центр мира. Мы знаем из великой, первоначальной Традиции, что это Древо – ось миров, мировое древо подобно тому ясеню в северной традиции, или елке, или любому древу, на котором распространяющиеся в разные стороны радиусы ветвей образуют план миров. Миры насажены, словно картонные тарелочки на шпиль, на ось этого древа. И задача великой, изначальной Традиции состоит в том, чтобы подойти к этому центру, реинтегрировать позицию на этой оси, и потом, распространяясь вниз и вверх, реализовать все возможные состояния человека, все состояния существа.

Получается, что если мы возьмем библейское Писание, а вслед за ним и Коран, который говорит о том же самом, но немного в иной форме и с иными акцентами, задача мировой жреческой Традиции заключается в том, чтобы сделать именно то, что Бог запрещал делать в раю. Т.е. выйти через некий радиус, через некую ветвь по плоскости нашего пространственно-временного континуума на соприкосновение с шершавой корой этого ствола, и по нему сначала спуститься, а потом взобраться, соединив таким образом в себе всю возможную полноту всех возможных состояний. Это декларированная задача всех великих традиционных школ. Получается, что обретение онтологического «я», или, иными словами, само онтологическое «я» как таковое и является той точкой в мире, через которую проходит ось мирового Древа. Онтологическое «я» и есть точка пересечения оси и плоскости. Онтологическое «я» и есть один из аспектов или фрагментов мирового Древа. Именно его и запрещал Бог, когда говорил, чтобы не приближались к нему. Иными словами, Бог запрещал Адаму,

если довести до конца и расставить все точки над i, то, что мы знаем как великую инициатическую Традицию, Традицию, идущую из первых дней Золотого века, из первого проявления человеческого существа. Бог запрещал Адаму реализацию всей полноты состояний существа, выход на онтологическое «я». Вероятно, запрещал не просто так, а потому что была некая достойная этого запрета альтернатива.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.